

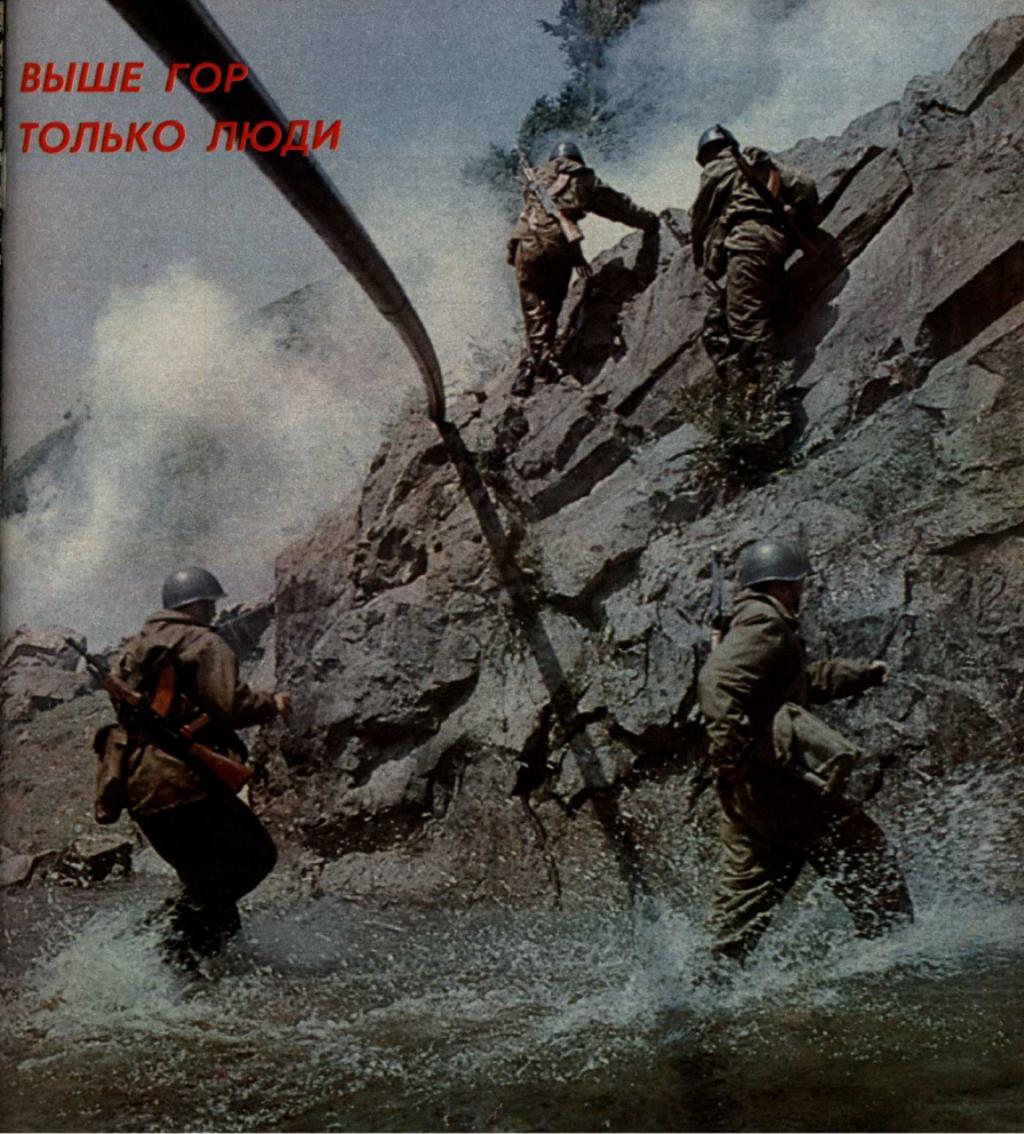

смена

№ 22 Ноябрь 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ВЫШЕ ГОР
ТОЛЬКО ЛЮДИ

Басан ГОРОДОВИКОВ,
первый секретарь
Калмыцкого обкома КПСС,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант запаса

не уходит из памяти

Мне повезло в жизни. Повезло потому, что ни разу, ни дня не чувствовал себя в стороне от большинка, вакханок и, как правило, трусливых людей. Повезло потому, что больше тридцати лет отдал военной службе, самой, наверное, нелегкой службе, потому, что всегда поступал так, как подсказывала мне партийная совесть, мой долг солдата, гражданина, отца. И еще потому, что рядом со мной всегда были люди, много людей, мужественных, по-настоящему волевых, испытанных в боях и в труде, безупречно верившие в Родину. Я учился у них искусству побеждать, врагов, умению работать в мирные годы. И всегда гордился и горжусь дружбой с ними. Позже я назову их имена.

Из всего того, что было пережито мной, моими товарищами, моим по-

ЭТИ СНИМКИ СДЕЛАНЫ С ИНТЕРВАЛОМ В ОДИН ГОД. ПЕРВЫЙ — ЛЕТОМ 1942 ГОДА: ПОЛКОВНИК БАСАН ГОРОДОВИКОВ. ВТОРОЙ: ГЕНЕРАЛ ГОРОДОВИКОВ.

количеством, многое уже ушло из памяти как второстепенное, многое с временем потянуло иную окраску, первоначально было. Но есть в прошлом, незабываемое, что, несмотря на время, продолжает оставаться в нас со всей отчетливостью первого опущения. Это Великая Отечественная война. От первого до последнего дня она написана и смыта. И это естественно, ведь каждый из миллионов, прошедших войну, пережил свои поражения и свои победы. И все же есть в ней воли, отмеченные в памяти всех без исключения как величайшего народного триумфа. Одна из них — 16 октября 1944 года. В этот день, когда враг был вынужден отступить из Бреста, подразделения группы армий «Белоруссия» под командованием генерала армии Г. К. Жукова и корпуса генерала армии А. П. Шахова, прорвавшиеся из ложного пути на Запад, пронесли в землю врага солдаты Духовской Краснознаменной дивизии. Суровая и Кутузова стрелковой дивизии, которой я ту пору довелось командовать мне. Прежде чем это случилось, мы прошли долгий и трудный путь по Западу, пронеся в землю врага множество сокрушительных взрывов горючих товарищей, за которых от головы ленинградцев, за горе, пережитое всеми советскими людьми.

Моя военная судьба довольно типична для моего поколения: начальство значительно раньше 1927 года уволило меня из армии, и если бы не моя жена, тогда еще студентка ОНИИ Ивановна Городновская, не знала, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь. Легендарный боевой командир 2-й конной, соратник С. М. Буденного, он имел на меня огромное влияние, был непреклонным авторитетом. Под впечатлением от рассказов о мужестве красноармейцев я решил стать кавалеристом. К тому же я неуклюже, если честно, и не имел никакого желания заниматься науками. И вот по коно-мольской путевке меня направили на учебу в Краснодарскую Северо-Кавказскую горную национальностной кавалерийскую школу. Но поскольку мне не хватало необходимых знаний для сдачи экзаменов, то я сразу пришлось быть и остался в школе присматривать за лошадьми. Только осенью было зачислено на курс по всем предметам.

Довольно часто, нам приходилось прерывать занятия, седлать по трети коней и мачтить много верст в поисках заблудившихся рабочих, которых было мало, было еще на Кавказе. Как-то в одной из схваток бандитская пуля пробила мою буденовку. Впервые в жизни я почувствовал, что смерть пронеслась рядом и спасло меня только чудо. Позже я много раз испытывал нечто подобное, но постепенно привык к опасности, все время ходивший за наем, и приспособился к подобным вещам спокойнее.

Со времени войны, как памятную реликвию, хранил я пушку, которая попала в мой пистолет «ТТ» и расплохившись под него, осталась в кобуре.

Кавалерийскую школу я окончил в 1930 году в первой десятке и принял ввод. В то время жизнь свела меня с двумя замечательными людьми. Один из них, Анатолий Петрович Благородский, был моим сослуживцем в школе, попал в полк сопровождения седьмым учебным вводом, ныне он генерал-лейтенант запаса. Другой, командир нашего полка Архип Яковлевич Шатов — крахрыб и спредлевый человек. В белогорских мы были ровны и возрастом и опытом, быстро сдружились, из всех сил старались перенять один другого. Шатов умел танцевать. Шатов умел танцевать, когда носил на гимнастике две боевые награды — орден Красного Знамени и Бахчисарайскую звезду, отличию знал и любил военное дело и охотно про-

водил свободные часы с нами, молодыми командирами. Прекрасно помню, как мы большой компанией распивали чай в саду возле уютного дома, где жил семья Шатова, и Архип Яковлевич рассказывал о боях с белогвардейцами и басмачами, вели разных военных хитростей. При этом всем он оставался трезвым, спокойным, не проявляя никакой эмоции, не проявляя чаш на малейшего нарушения устава, строго наказывая подчиненных за дисциплинарные проступки и часто повторяя, что мы, воины пролетарской Красной Армии, не имеем права проявлять слабость, в чем бы она ни выражалась... ибо наша промах — выигрыш врага. Строгость Шатова, его требовательность, решительность кутуми и внимательность к податским нуждам. Появляясь в расположении частей, он первым делом интересовался, чем кормят сегодня красногвардейцев, пробовал суп и, если ему нравился, благодарил повара, если нет — наказывал. Он был настоящим отцом солдат, и все готовы были идти за ним в любое предприятие.

Лоды, подобные Архипу Яковлевичу Шатову — это люди той особой человеческой породы, кого теперь именуют наставниками молодежи, они всегда были и есть. Мы учинились у них, а потом учли других сами, помните их наказы. Думаю, что роль этих людей, которые по своим духовенным и общественным качествам избираются жизнью в наставники, невозможно. И истинным благом для себя считаю знакомство с Шатовым.

Я понимал, что знаний моих недостаточно, и после соответствующей подготовки выдержал экзамены в Военную академию имени М. В. Фрунзе на кавалерийское отделение. Через три года окончил ее с отличием, даже был награжден золотыми часами. Две года командовал 1-м кавалерийским полком Дальним Востоком, а затем мне и другим кавалеристам пришлось автобусом ехать учиться. На этот раз уже в Военно-воздушную академию командиро-штурманского состава.

Такое решение было принято партией и Генеральным штабом. Дело в том, что воздушный флот страны в те годы развивался быстрыми темпами. Осваиваясь с новыми опытами командиром проходившей армейскую школу, видимо, было нужда. Занимаясь по 12 часов в день, мы изучали материальную часть летательных аппаратов, аэродинамику, авиационную метеорологию, тактику BBC, а потом и сами сбрасывали штурвалы, чтобы научиться летать на основе этих самых знаний. Видимо, в Сибири было больше кавалеристов, вон уж, и казалось, что наши судьбы отныне навсегда связаны с авиацией. Но воняла распорядилась по-своему.

22 июня 1941 года весь наш курс, всего около сорока человек, вызвали в Генеральный штаб, а затем пригласили в кабинет Клиmenta Ефремовича Ворошилова. Он посмотрел на наши эмблемы и сказал, что просит обратить внимание, а затем на членов Б. М. Шапошниковъ объяснил ему, что все мы бывшие кавалеристы, посланные в Военно-воздушную академию по решению правительства. Он кинул головой и сказал:

— Да, товарищи, мы готовы вас на командиры аэросоединений, но фашисты внезапно подвергли бомбардировкам приграничные аэродромы и нанесли существенный урон нашему стратегическому парку. У нас есть подтвержденные разрозненные данные о потерях, но неизвестно лично как состава, необходимое снаряжение на 48 кавалерийских дивизий, других резервов подвижных войск пока нет. Всё сейчас больше нужно как кавалеристы, чтобы срезать у основания

Пролетариев всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 22 [140]
НОЯБРЬ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
ШТУРМ ВЫСОТЫ.

Фото
Владимира ЧЕЙЦИЛЫ

РЕПОРТАЖ «ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ УГОЛ» — НА СТРАНИЦАХ 10—14.

4
ПЯТИЛЕТКЕ — УДАРНЫЙ ТРУД,
МАСТЕРСТВО
И ПОИСК МОЛОДЫХ.
ЛЕСО РУБЫ.

7
РАССКАЗ ГАРИЯ НЕМЧЕНКО
«МАМИНЫ ПЕРЕДАЧИ».

16
К 50-ЛЕТИЮ
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ
МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ К РАДОСТИ.

20
ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ МОРЯ.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашвили, А. П. Купешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

© Издательство «Правда», «Смена» 1974 г.

СМЕНА 1

Художник Г. С. Терзибашянц Технический редактор Н. И. Будкина

енного периода, происходивших ког-
да в тех местах.

Вместо спартакиады или игр, которы-
ми с успехом можно провести в
другое время, в программу похода
считалось бы более подходящим не-
что полезное, обязательно имеющее
отношение к патриотической цели
похода, к примеру, реставрация па-
тристических погребов, встречи с участ-
никами боев, трудовой десант, а уже
потом все остальное. И в руководст-
ве такого похода должен, конечно,
принимать участие ветеран, который
рассказал бы ребятам немало интерес-
ного и полезного.

Убежден, что воспитание патриоти-
ческих чувств у девочек не в пред-
мерах. Великая Отечественная война
нельзя ограничивать рамками школы,
но нельзя и автоматически пере-
носить школьные формы этого вос-
питания в комсомольские организа-
ции высших учебных заведений, за-
водов, союзов. Ребята позовутся,
они уже много знают о войне и мо-
гут сами пересказать вам главу из
истории. Дайте им возможность
свободно выразить свои мысли.
Большинство из них с головой
уходит в это дело. Стало быть, нужно
искать новые формы, думать над
ними.

На Западе есть люди, утверждяю-
щие, что вторую мировую войну пора
забыть, поговорить о мол. и хватит,
скажем, о войне. Я считаю, что не-
рассматривать то, что не всем знает о
том времени, понесенном. Действи-
тельно, о войне очень много написано,
сказано и показано. Но Великая
Отечественная война для нас не про-
сто исторический отрезок, пережитый
нашим народом, а нечто неизмеримо
большее. Война была для всех совет-
ских людей величайшим испытанием.
Всех, потому что так или иначе она
привлекла к себе каждого из нас, из
каждой семьи, как бы далеко от
линии фронта мы ни находились.
Испытания не только физическим,
но и испытанием духа, веры. И наша
победа не только военныи успех, но и
торжество наших идей, нашего
стремления, торжество социалистической
системы над идеями фашизма, анти-
человеческими по своей сути.

Десять лет назад мне довелось
работать в оргкомитете по подготов-
ке съезда организаторов грандиозных
выставок и бояться Столетия. По
нашему плану делегации должны были
быть посетить, кроме Москвы, города
до Ленинград и Волгоград. Одна-
ко французские летчики аванпокла
«Нормандия» Немань сказали, что
обязательно должны побывать в Смо-
линске и в деревне облади, где ба-
зировались их аэродромы и находи-
лись запасные посадочные площадки.
Они хотят найти советских граждан,
с которыми они связывали очень многое
в пережитом в годы войны, и
встречи с героями, память о которых
переживали герои, память о которых
переживали стопы. И подмы, совершивший
молодым национальным народом под
руководством Красной Армии, и
все, что не кончилось вместе с вой-
ной, он живет в строителях КамАЗа
и БАМа, в чабанских бригадах и тю-
менских нефтяниках. И будет жить
дальше. Всегда. И, чтобы воспитать

готовность к подвигу, надо воспи-
тывать уважение к нему. Люди, про-
шедшие от Волги до Берлина, тогда,
из сороковых, тружди заслужили это
уважение. Поэтому мы говорим о
войне сегодня.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ИТАЛЬЯНСКИЕ МАСТЕРА

Фра Беато Анжелико

1

Краски уже не действительны. Такое лицо можно только
на скрипке Паганини сыграть. Штрихами струнными тонко
Означаются профиль:

Лба, носа, губ и щек андрея,

Брови, глаза, подбородка аллегро.

Такое лицо можно только на скрипке сыграть:

Заката розовые тони, лиловая сумерек синева,

Безмятежное серебро сонетов

Лунного света, готической башни

Стройного звука, чистого небосвода

Мистерии. Такое лицо можно только на скрипке

Сыграть в минуты синей тоски, когда небо

Смыкается крылья заката

И на его высоком челе [стаккато]!

Возникает Изидрий ящук из умудренных отливом —

Вечерним спироглии звезд. Только на скрипке —

Где-нибудь в келье отшельника, в камере узника

У единственного незаколоченного окна —

Безмерную вью измери свою тоской.

Такое лицо... Такое.

2

Краски уже не действительны. Такие волосы можно только
на кафедральном органе вынести. Льются многослойно

Баховских фут неоднозначные золотые

Ручи, скача по камням, по древесным корням — змеятся

По разовитому мрамору лб., щек, шеи

Альбиноса, венецианской горнограды,

Роскошные закругленные грозды волнистая, легкая

Линия Фиджи — хочется трогать

Завитки. Такие крылья за узким

Плечами — Летучих Голландцев ветрила или

Голубей, венчающих шпили готических башен.

Крылья — линия медных труб гавриила

Выны — от земли отрывают

И плоть претворяют в дух. Такие

Нежные руки с длинными гибкими —

Стебли дивных цветов —

Пальцыами Парик, пригодными присть

Жизни точающую нить, можно только

Или вскипывание мальчика вымыть.

Такие волосы можно только в органных аккордах

Вывести; такие крылья — только в трубах

Солнечномедной вымыть; такие руки —

Только на клавесине выплыть,— когда

Смыкаются — лепестки циклонического тюльпана —

Над красным готическим сводом, когда

Угласят амриты, когда

Орган приступает к рыданиям за колоннайдой,

Когда наменяется орак

Пробивает один-единственный звездный огненный зрак.

3

Такую тоску, выдохнутую трубою

В синеврый сурок, такую, озувенную струною

Дьявольского виртуоза, означенную

Лицом синевы, золото, такую,

Выделенную вифадором органе,

Выделенную плащами румын

С длинными гибкими пальцами,

Расплывавшимися в серебре клавесина

Пальцами прахи Парик, шелковистыми,

Уготиванными для ласки,

Такую невыразимую, но алюцину огласки,

Можно выплеснуть, только когда

Сердце стиснуто болью, когда болевая петля

Задыхается горло, такую,

Невыносимо болю,

Можно только выкричать

Или выплыть.

Опустив голову низко-низко,

Закрыл глаза,

Сдавив виски,

Удалико врак,

Только так...

Рассказывает мрамор

Condotto da molt'anni all'ultim'ore, farsi conosco, o mondo,
i tuo diletti...¹

Из сонета Микеланджело

ДАВИД

Я молод. Этим локонам захмелевшего Диониса
В виноградниках с ветром играть бы. Этим глазам
Священного сизара с матчи Ноева судна низвать бы
Голубину. Оливиновой ветви в этих устах Аполлона
Зеленеть бы. Этими ладоням, этим резвым перстам
Наполинуть бы розовой грудью десны смолинойкорд
И скать — да боли пустыни к выкаты, как из граната,
Мгновенно, кратко радость тела ее. Отражать бы
Этим опленым икринам охотини меткие стрелы
Мчиться неотложно по темноте кипятут лугам и селеньям...

Но я в пустыне стою. И я левой моей руке — праща.
И вправой — да нее блаженство подпитый плод.
А камень. Губы стиснуты — выпало ветка оливы. Ноздри
Раздуты. Дионисовы поконы взметнулись лыжной гривой.
А глазам сизара видна по буристым плечам величина
Голубину с фееричным облаком: дивны корабль

Недвижно висит над этой безводной близдой...

Не страшусь врага-исполны, вознишего среди песков.
Его впереди. Но мне не спасти чудесный корабль.
Обреченный исчезнуть на желтом дне поднебесья
За плечом Голифара. О Создатель, это же гибнет
Дивная юность моя, которую ты повелел мне отдать
Извещено эпостомату роду, дабы избавить его
От новых напастей... Я возвышу свой род

И сам возвеличусь, стану могучи царем...
Но на дне поднебесья исчезнет светлый корабль,
Помиряется эта безводной, синий чучиной...

Ты создал меня прекрасным и сильным. Тамому —

Влезти на перины и сплести звезды срываемы.

Камень вложил мне в ладонь. Отточил и меринет
Мрамор моих лучистых очей, взирающих скборно
Через плео великану на эту желтую бездну.
Откуда никто не придет и никто не вернется,
Где тонет мой белый, спящий, как солнце, камень...

РА Б

Это я. Вихры — воронье гнездо. Торчком
Стальная щетина щек — точно сосновая корона.
Валу спины давно сдружились с бичом.
И палкой мне угрожает нет никакого резона...

Руки, которые к звездам тянулись встарь,
Ныне отшощут бесцветным камень.
Глаза поддернулись каменной лгой. Не могу ни встать.
Ни приподняться, ни шевелить руками...

Хочу в выпростать ногу подобную лапице пьва
Близбла нечистой — точно так же зазвали
В глотке моей обессиленные слова...

Видно, уже не выбрасть мяне из грязи...

Где же он, где, мой драгоценный дар!
Вину летучую в небо башни и голуби вину
Над башнею... Поддернувшись к угу комар
И тот с овиде зудит! О, как я все ненавижу...

Держит мяне в непостижимых тисках
Гладкий и, словно воздух, прозрачный камень.
Хочу прижаться к лулу, высвободиться, встать
Хочу, а не могу нешевелить руками...

Кто я! Холопский король! Королевский холоп!
Бог весть... Гирлянды звезд пожираю несметным взором.
Когда безносая наинец пометит мяне люб,
Звезды из этих глаз посыпаются тусклым сором...

Беспримная пасточка, удаэрься о камень мицш.
Шмакнулась наземь. Что же миою будет?
Что ее гибель пророчит! И вот еще мысл:
Как будут жить грядущие каменище!

¹ Теперь, прожив столько лет, я слишком поздно,
о мире, познаю твои устады (и т. а.).

Перевод с литовского Леонид МИЛЬ.

ЛЕСО

Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых

Главный человек в тайге, конечно, повариха Таня. В любое время к ней зайти, тут всегда стоял дверь скатерть. Правее даже стихи писали. Да и писать, стоять на коленях, захватывая ягоды, леса загончики на поляне, четыре колесца... Вот в этом-то загончике и я поджидал Евгения Дугу в восьмом

месяце апреля. За окнами, залепленными, как зимой, хлопьями снега, то ли ветер протяжно стонал, то ли плакали високи застуженные тут натянутые березы, а передний мой дымил в зелено-коричневый чай, под ногами пристроились Дозор и Мухтар — два славных, ласковых иса, два верных друга-спутника человека, которые не знали, что такое потерянный чай. Он шумно прихлебывая из терракоты, чтобы не обжечься, и с видимой охой расскашивал о себе, о своих немудреных обязанностях водолюбов, которые требуют, однако, чтобы он жил в лесу, а в поселок — проводить жену, подкармливать и попариться в бане — выеждал по праздникам, не иначе.

— Это зимой только, — говорил Матвеич. — Когда надо воду для тракторов греть. А летом-то в бригаде, сучки рубят?

— И у Дуги тоже надо работать?

— Да, у Пелевина Юрия, у Салтыкова Николая... У всех тонкожек махал.

Лягушка уж, что бригады Пелевина и Дуги много лет соперничали друг с другом, что бригады реанимируют друг с другом, как там дела у соседа. Мне говорили, что люди они совсем разные.

— Как сосни и елки, — живо подтвердила Матвеич. — Пелевин — тот тихий, с ним легко никаких сучьев на нем, как на сосне. Не слышал его никогда, а слова присказывают, будто зерна из мешка падают. А Дуга — точь-в-точь как суковатая. И кругой — страх...

Хорошо настроение — и для Петра Танкова, Танечки, — сказала повариха, — а чуть что не ладится — бирюком глядят и мечт, конечно, в сторону.

Несколько дней назад в Конюшке, столичном поселке района, я встретил Дугу на вокзале, откуда торжественно, с музыкой и речами, прощали на Украину эшелон. Это был лес, заговоренный дополнительностью к земле, сухой, сухой, трещинами, трещинами, трещинами, трещинами за шесть месяцев года шестью, синими и комомо-молочно-зелеными брызгами. Погодти за голову, и птички пущут и по бокам множества из них сияли под солнцем красные плакаты. Когда отзначали слова наступления и поезд тронулся, все, кто находился в те минуты на перроне, читали эти проплывающие мимо плакаты. Я был недалек от Дуги и видел, как он, только что улыбнувшийся, подобрался к двери, стал серезным, как показался вагон с аршинными словами на нем: «Сверхизованная древесина консольно-молочно-зеленого брызга». Матвеич Ленин Евгений Дуга! Но это длилось считанные секунды. Тут же и усыпалася, как он со смехом, притворно скрывающийся, сказал своим садом:

— Нет, вы поглядите, на какой вагон мое добро им прицепили. Лесо-к в нем, жерде на огород. Ну, не позор ли? Ведь состав потрат весь страну...

Выскочил, с тяжелыми плечами и тяжелыми, длинными руками, Дуга показал мне изнутри двери, что вагон с таким дивным назначением, за счет их неизвестного звука, на Севере дошифрован. Продолжавшое, крутящее колеса, прямые каштановые волосы, рот — жесткой полосой над раздвоенным подбородком. Потом я натолкнул-

ся на его взгляд, пристальный, и не резкий, нырнул широкую, добродушную улыбку, отмечая для себя, что шаг у Дуги легкий, размытый... «Крепкий парень», — подумал я тогда. — И сразу раскусился.

Матвеич, словно прочитав, что у меня в голове, протянул загадочно:

— Ну, Дуга, я и есть Дуга. Тот же я, — и мутно...

И я долго не мог понять, что бы это значило.

А за окнами все так же северный ветер гнал и гнал снег. Ребята, пришедшие обедать, уже впускали Татьяну нехитрой странико, отвали, завели неторопливую беседу:

— Ну, Дуга, я и есть Дуга...

Следующий раз, когда я вспоминал эти изуставленные речи о наших меньших братьях, как тут же найдутся охотники продолжить ее. Так. Бенки сказал, что недавно голыми руками сломил бедку. Поднял осину, она пошла краем к земле, а по стволу вниз, к колю, скачет взъерошенный зверек. Ну, деревя брянуло оземь, белела белка и камнем в снег... А другой видел ридышком, от столовой ненадеясь, следы языка, дрожащего животного, и сосиски видел, что ободраны.

Леса — что умчались третий. — У нас по делинке рясе только что прокралась. Вверх по волоку шла — ничего не было, обратно вернулась — свежий след.

— Да что?

— Ага, рясе и лямы — во!

— Кончай трепаться, — искинулся вдруг рыбий.

Рябята быстремо на ноги и за рукачицы.

Дуга — сдергивая и виновато сеансом сидеть, с ног до головы в снегу, как в мазу.

На шинели бледной еще одна панка — белая, на плечах толстые белые болты. У порога встрихнула, командирским уверенным и веселым голосом спросила:

— Что там у тебя, Танюша?

Повариха начала перечислять, что у нее приготовлено на первое, на второе...

— Ладно, — перебил Дуга. — Давай все подряд. Да масла не жалей, смешанные будет.

Обеих он упаковал с обеими для счета и сел на снег, не греясь. А тут чиновая гонки. И вид у Дуги был такой, будто он скажет хотед: «Куда бежать? Сколько за столом посидишь, столько и в рако покишишь». Может, жадя кого? Это было неподхоже на бригадира.

Здесь надо сказать, что бригада у Дуги упринуждена. Это не семя, человек, как раньше — в малой комплексной, а в два раза больше. Такие коллектины с «радужными шатрами» создаются сейчас заседе, где рубят лес. В последние годы в промлесах пришла мучогущая техника, определила себе такие новинки, как инженерная подборка, как винтовые машины, как «механические узники леса», одиночная волка деревьев и помощь гидравлик. Все это потребовало от лесорубов еще лучше использовать технику, свести к нулю потери рабочего времени, поднять потолок производительности труда. Как это сделать, когда резервы малочисленных

бригад, по сути, исчерпаны? Вот тогда-то в Сибири, на Болотодчине, а затем и в архангельской лесной бригаде стали устраивать. Но это монологическое объединение двух малых коллективов в один большой. Это было принципиально новая форма организации лесосечных работ.

Говорят, в старину на Севере был такой обычай. Молодая новозамужняя, вступившая после венчания в дом супруга, голосила на всю деревню: «Первая, вторая, третья — цыц! Мне одной дом!». Обычай этот вспомнил Георгий Васильевич Жуликов, начальник лесопункта Меленецкого Бородинского лесничества, где с юных лет прописан Евгений Дуга.

В одной лесосече, — рассказывала Жуликовский, — обыкновенно работают две, а то и три малые комплексные бригады. Деревни в тайге разные — помельче, покрупнее. Одной бригаде достапускают матерые премокленские сосны, а другой — осина по болотам. Вот тут и начинается несовместимость, каждый находит в чужой ложки утварь. Те, кому повезло, говорят: «Цыц! Одним нам весь участок». До жребия дело доходило. Но жребий в обиде не сидит на постригу, и все это в обиде и ропщет на судьбу. Какая уж там таком наставлении работают?

Когда Дуга предложил возглавить упринужденную бригаду, он уже был наслышан о новинке и прекрасно разглядел ее выгоды. Мало того, что лесосек обретала одного хозяина и делиться уже было не с кем: плодовой участок — он твой и хороший — твой же. При работе в упринужденном составе бригадир получает возможность манипулировать зверьками, ему ничем, если кто-нибудь скажет, что твой участок — это не зверь, будет есть смешной профессия, для них подменить даже вальщика или тракториста не проблема. «Правда, управлять такой машиной не сахар», — рассуждал Дуга. — Но и тут есть за что задуматься. В бригаде людно. Если кто прогуляет, риты не нарушится, а парень этот не возвращающий подается — самого себя. Остаться без премии — это, считай, потерять добрую третя заработка.

И Дуга согласился стать во главе упринужденной Тульской бригады. А впереди лесорубы распахали первую танку бригады, и в ее открыту спрыгнули не много ли он из сибиряков на берег, а он согляделся. «Мне больше всех надо», — отвечал он нахально ульбаясь.

Он кликнул добровольцев. Потому, во-первых, что применился за рискованное дело, уже постриявшие в глазах лесорубов авторитет. И еще потому, что не каждый бы решился тащить упринуженную паре с Дугой. Всем известно: у него, у черта, такое привычка: если не пиддай, то пиддай. И Дуга, как правило, сама себе не верит, что за зверя хомята по собственной шее вешать? Дуга на тракторе с утра до вечера без перекуров, как заведенный, раз за разом его покидают, передает помощнику, тоже бестарабичику, Косте Феоктистову, чтобы в словогрудом бегом...

Но вот Дуга — никакой гонки — сидел, на удивление бригаде, в вагончике у Тани, пил чай, балягурил. Жалко кого.

Дверь отворилась, и в столовой появился еще один заслуженная фигура. Не успела фигура устроиться за бордом, как Дуга тихонько спросил:

— Броня, ты сколько раз сегодня на эстакаде были?

— Ну, один...

— Почему?

Вопрос резонный. Броня Забордина — помощник вальщика. Но он должен еще помогать сучкрукам. Им тяжело в лесных дебрях, где деревни

РУБЫ

Яков КОШЕЛЕВ

поваренцы вплотную друг к другу, разобраться в нагромождении ветвей, и «хламист» поднял падающую на эстакаду с недорубом. Броника облизнулась — отсек оставшиеся сучья, иначе с бригадой отнесли бы ее в лес, а склад брака вытут за это какую-то часть из зарезанных денег...

— Так почему? — повторяла Дуга, потому что Забродин, набычнившись, молчал.

Что я, козел отпущения? — буркнул он на конец. — Вон Минка Дымчик...

— Мишка? — взъерошил бригадир. — Мишка, вертился, как волчок, и ты на него не свалился, это твое дело... Совсем надо иметь! Это вы — выкинули Дугу из дому, по матушке стоянку ограбили, а потом склонились... А я хочется шевелиться, ини другое место, неизмываемое. Жить, Броня, надо честно, на праху колечку.

Забродин неволко было смотреть: красный, опеченился, вот-вот вскочит, наломает дров и Дуга перед уходом бросит через плечо:

— Вычеси башку, гляди, все взыщерошись...

Как-то вечером я на часок забежал к Дуге, в его текущую квартиру, где и ему то одному, медведю, было не развернуться, а тут еще же, трое детей. Пока раздавались у порога, не вольно подслушал, как Дуга спросил у старшей дочери:

— Люда, ты что читаешь?

— «Верзевую рощу». Федор Гладкова.

— Да, это я слышу.

— Это чистое слово.

— Неважно. Если это про лес, я اليوم,

— Птицы стремились одна за другой удивительно стройно, — донеслось до меня. — Переодной журналь, вояж, будто тянула всех на своих крыльях...

В тот вечер мы говорили о том, что это значит — быть вояжом и какие у него должны быть крылья, чтобы он мог тянуть всех за собой.

— Птицы? — спросил я Дугу, — жить на долупленной земле, чтобы она напоминала одну отчужденную линию. Пряму...

— Или стройное дерево, которое рвется к солнцу.

— Да, или прямое дерево.

— Жена, ты доволен своей жизнью?

— Мужик без портка хуже комара. Мы привыкли к работе. Потому что в этом лесе врубается машина.

С детства он окружали сосны да ели. Выглянешь в окно перед тобой стоянка на обломочных стволах и сучьев, ступишь на крыльцо — около грибов и ягоды, только руку протяни, и на траве в клетку ряжены белки, которых сам поймай. И песни, что слышал, были о лесе, и частушки, и любая белесь... Потом, взрослые, он стал понимать, что многое из того, что было рядом, все эти привычные вещи, это тоже лес, только привыкший итти вперед, в облупленную скелетную голову подковинки. Сосновая звезда. Кленовая сталь...

А мысы простирались еще дальше, и виделось уже, как близкие, знакомые деревья превращаются в мосты, перекинутые через неведомые речки, в дома для неизвестных людей где-то вдали, в южных степях и совсем далеко — в заморских загадочных странах. И сознание того, что между нами и всем миром существует пропасть, наполнило Дугу трудом счастья. Дуге важно было это помять, ведь ему давно было подлиннее знать, во имя чего ему приходится каждый день губить крашено, ведь он не парарь какой, не зверь, чтобы разинуло смотреть, как легит к земле казненное тобой величайшее дерево.

Утром в лесу, перед тем как ребята разойдут-

ся по своим местам, Дуга говорит им всегда одно и то же: «Ну, други мылье, людишки земнородные, сегодня надо поднатужиться и поработать с дубом». И они тратят Трех часов. Кто первый вырежет эту паночку бригада Пелевина, или Салтыкова, или Запиши? Дуга в охотничьем автеле заводит свой трактор. Это он сам заводит: переднему зверек, а заднему следок. И на какое-то мгновение раньше других взрывается лесное безмолвие...

— Понимаешь, главное для бригадира — удачный личный примером, — сказал мне Дуга. — Тогда и все остальное приложится, тогда можно, если надо, и вожки натянуть. В меру, конечно, чтобы не порвать.

— Помнишь, Женя, как ты напал на Броню?

— Надо было, вот и напал. Думашь, не прав был?

Да нет, я так не думал. В тот же день, неизвестно до конца смены, я забрался на тепловоз, который отвозил на верхний склад от разбросанных по мастерскому участку лесососов нагруженный хламом. И вдруг я увидел, как из-за спину Дуги в издалине заметил, что ее спина, привыкшая к отправке, кто-то часто машет торопом. Может, Броня? Приближалась. Так и есть. Не успел на эстакаде подрезать сучки, зашарился на верхнюю, стараясь — тепловоз уже рядом.

— Жаль, что не видел, — засмеялся Дуга. — Но все привыкли. Броня задала за живое, так он ехал без пистолета. Или я бы не умер, если бы Дуга не знал, что Дуга не привык хватать через край, поросившись. Ему привыкнуть нацепить на себя маскуэткого разудалого мальчика: его, дескать, и на том свете черти голову не ухватят. Нравится непременно хозяйнуть. Красным словцом ли силой своей недовольственной, тем, что начальство ридет правду в глазах и что трактор послушен ему, как облезгенный кот. При мне было. К Дуге зашел начальник лесопункта, Ульянов, и спросил: «Почему вы привели на районный центр?» Дуга попросил пива. «А если его нет?» «Чудак человек!» — удивился бригадир. — Ты или прямо к директору ресторана. Представься: так, мал, и так, у Егении Дуги работают. Понял? Должен выручить...»

Чего-чего, а самоуважение ему не занимать.

Нынче лес у меня — лучше не надо, — говорил мне Дуга. — На дворе серединка апреля, а мы уже три тысячи «кубиков» — пате вак. Это больше месячного задания. А в марта честно не триста процентов соорудили. Правда, отойдет скоту, которую мальчишки. Получим другую траску — мельчь будите рубить. Но все равно полторы сотни процентов бригада всегда выдаст.

Не знаешь Дугу — племячи помажешь: вон, бригадир, — и забыши. Ни ума, говорят, приехал в лесопункт один из киевских инженеров. И не итошибудь, а Василий Тимоныкин, знамятый бригадир из соседнего района. Он посыпал Дуге пыль — давай соревноваться, а тут поползли сучки, будто в Мелентьевском плутут — рубят матерый лес, а пишут, что рубят мелкоту. Нормы от этого висят, процент выполнения — вверх. Решка Тимоныкин сам проверит людским толки: что если тягаться с теми, кто на деревьях?

Он старательно обсекал все делянки, заметил, что техника («И нам так надо») ремонтируется в лесу, что на улановке и ее «усах» нет амбарий, что бригада Дуги приступает к работе без раскачки, без утреннего чаепития и потому до конца дня не теряет уже ни одной минуты. Никаких простоев, никаких перекуров. «Пока не

заведем у себя такой же порядок, — сказал себе Тимоныкин, — с Дугой соревноваться нам будет просто не в духу. Обскакает нас Женька, как и теперь обскакивает».

Прямо на месте. Васильев признался:

Ходили про тебя, Женя, какие зваки. Я тоже, грехами по делам, засомневалась. Ну, что тебе, думал, жить, когда бабушка корожит? Поэтому и притягнул. Чтоб своими глазами увидеть. И не жалко, хороший урок получился... А лес у тебя — не нашему чета, тыфу — лес, мес его стороны бы обопши. Вот что, Женя. Как у нас в договоре, цифры одинаковые стоят? Неправильно. Женя, надо переписать свою обязательности, больше сиби из себя взять. Но про справедливости, честь честности...

Но Тимоныкин — дальний соперник Дуги. Рядом же с ним — Юра Пелевин. С ним не заскучешь, с ним как на качелях — то ты наверху, то он наверху. Из такого же теста человек, до работы очах. Сколько он сегодня уже сцепов нагуризил? Шесть? Нука, подишивки, Дуга. Где-то в районе села подишивки. Отличные ребята. Добровольцы, добровольцы. Дуга, будь промах. Сам. Это главное. «Сам на себе с самого себя самим собой ковыл...» Хорошие стихи. Вечером, Дуга, дочь будет читать тебе рассказ про березовую рощу, про журнального вожака. А у тебя будут слезаться глаза, ты будешь делать страшные усилия, чтобы стянути тычесчуковидный грунт со светлых своих — золотых — волосок, из которых линии ресниц...

В тот день я пришел в Мелентьевский лесопункт, в лесу, в вагончик Татьяны, только я разговоры было, что о Феде Кринове: что с ним да как он не подкачал бы, не провалился, не подвел... И Дуга вместе со всеми переживал и былое всех волновалась.

Года два тому назад к нему в бригаду послали парня. Дуга ни за что бы его не взял, да нужен был по разрезу вальчики. Начальник лесопункта привез из Кировска. Грудинин. У нас: встал да поел, а как поел, в пивашки. Но что делать? Считай, Женя, что он у тебя временно... В поселке все друг от друга на виду. Человек работящий, словно красная девушка, всем нужен, а лентяй все жизни так и просидит сухарем. Ну, а к Дуге попасть ему и мечтать нечего. И вот этот парня...

— И покричал на него Дуга! От всем сердца! — Нарек парня, запрещая не горорясь, с прорхами, но не мудрствуя впечатлений. Грудинин, а кирилл, и вкось... И здруг затих бригадир. С чего это все? Еще чаще и чаще его зидели рядом с молодым вальчиком. Что он в нем разглядял? А когда ему предложили другого, он решительно ответил:

— Не надо.

У начальника глаза на лоб:

— Так так не надо?

Чего тут нечего? — усмехнулся Дуга.

— Надкусить ломоть да и покину? Нет. Паша настырный. У него свою линию есть. Пряма...

Видели мы когда-нибудь: огромный плот обсох на мели? Нука, снимите его бускимор. Не сдергивать. Надо дождаться весной высокой воды, чтобы на ее спине, под ее напором плот струился с места. А там уж и не остановить его, пойдет и пойдет... Феда Кринова, забыл свой подишивки. Давай, Дуга, погоняя. Давай, погоняя, будь сухарем!

Давай, будь сухарем! Для года прошло — и вот уже на соревнованиях лучших молодых вальчиков области. Что с ним? Как он?

К вечеру позвонили из поселка:

— Женя? Поздравляем, от души поздравляем, старик. Твой Федор — первым.

Стихи о красоте

Когда впервые над тайгой —
Стомильный житель — прятавшись,
Ты винт и синий прыгалишь
И погасил «бесов»...
И я вспомни стареньких словах,
Придуманных на всякий случай,
Ты весь, и слов не скажешь лучших,
И улыбаешься попутчики.
Газету помазав в руках...
О ней умавший не из книг,
Не с птичного, как ты, места,
Разумеется, бузыши,
Он из красных слов отыски,
Под них тайга — его работа.
Ее размах и широту
Он щупли душой и комой,
Он поклоняет красоту.
Ее лицо Изамину тоже.
Тайга — в просветах, небеса
Но, что же это за возвоз?
Когда с ней — глаза в глаза —
Одни на сотни километров;
Когда на всем своем пути
Снега, обруши глыбы, лягут,
Когда просты спички в тягость,
А надо с ношено мдтн,
Друзей-товарищей жайт.
И, перекрестившись,
Вспыхнула в земле постепенно,
Погружаясь в тонн, Тюмень,
Набухнуло от нефти вен...
Понял, что мне не по себе,
Что в без бани им пропарен,
Он говорит:
— Да брось ты, пары,
Давай-ка лучше сюда...
И я вспомни высоту
Бы исколено ульбьюсь
И за соломинку вязаюсь:
Пишу стихи о красоте.

Слова

Пронесенные сперва,
Те, о которых лишь мечтали,
Иль вдруг сошедшие с пера,
Он теперь лежат в металле.

В них буквами не изменить,
Ведь их поштучно и построчно
Начнут закладывать, крути
Тиранным методом поточным!

У них теперь не счесть родин
На каждой уложке планеты...
Признают ли тебя они,
Когда начнешь читать газету?

Покажет дин, как сон, текут
Потоками призрачны и аутими,
Над повседневностью встают
Неомраченные минуты.

И, взмыши время под узды,
Они меняют смыслы погоды,
Как те надежные бойцы,
Не уставшие в походах.

На лицах их блестит свет,
Они сами Предназначение,
Умевшие на нет
Свадьбе все наши горечины.

Мы только можем принадлежим
И, как бы жизнь к быве круто,
Оней другу другу говорим
По тем блестательным минутам...

Если разум прошлы лишь живет,
Если в будущее не стремятся,
Для чего тогда его погят
Через годы, страны и границы!

Восять мин ходить с сумой,
Не давай зарока, что не будешь...
Прошлое себя спасет само —
Зашщищай будущее, люди!

Ксения РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Площадь

Все вымерено и размерено,
И каждый камень к камню, набран,
Стоят четыре канделябра
Вокруг единственного дерева.

Или четыре черных дерева
Вокруг пярого канделябра,
И натурального и сделанного
И удивительно и ладно.

Средь них расположились мысленно
Ее классические эста:
Ее светлая независимость
И ослепительная ясность.

Она не исключает случая,
И не берет от прошествий —
Она вас благует и мучает
В своем высоком совершенстве.

Ленинград

Опять линейные проплыты,
Окно петровских переплетов —
На возвездимые мости
Потусторонней красоты.

Непреклоненная Нева
Переполняет острова,
И в них намерено светло
Дышится битое стекло.

Касается солнце земли,
А небо светло и бездонно.
Но теплое и синево,
Ложась о склонах склоны
И снова терпясь ядами.

Как будто творя колдовство,
Таинственно светятся сосны.
Их ветви тихи и морозны.
Кончается день.
Несердечно

Просто задерживаются его.

Но верю я в завтрашний день,
В дыханье инкарной погоды.
Как гуки метеорные своды...
Иде — минутные годы —
Длинна ваша зыбкая тонь!

Я делал шаг к великолепью.
Но там, где кончается тени,
Где поздне окраски струны,
Бесконечно слабнут коленки:
Чего прощая,
Жалко.
Кого-то на помощь зову...

Туманно лицо за вагонным стеклом.
Расплывчаты туман, и взгляд

И любви морщинки тяжелый излом
Смягчен, и разглажен, и вовсе
равнодушен.

Рендионются, гибнут, теснится слова,
В стекло ударила птица слепая.
Но только яи звуками память живая!
Я все понимаю.

И сказье заповещавшее это окно
В последний раз припадло
к тебе я!
Судьба или поезд — не все ли
равно! —
Тебя отдалиают. Я смыну, слабее.

О милый, ты чертишь слова, торопясь,
Белеющий палец к стеклу прижимая.
Но что мне рисунка поспешная взять?
Я все понимаю.

И долго мой путь от вокзала домой,
И незащищенность веет винно.
Как голодный в городе ранней эпохи,
Как громко стучат поезда за спину.

Как пусто, как тихо в бурлящей
толпе!
И день — как потеря.
И я — как пыль.
Все до — без тебя, для тебя, о тебе...
Я все понимаю.

Будь славен, бурный спадень лета,
Твой зной тягуч и густой,
Реки распластанные лента,
Скользящая между листьев.

И в этом звоне, в этой лени,
В юнцом винченом жару
Распахнуты двери в сени —
Мое спасение в миру.

Войти, от зной измощденной,
Напиться ледяной воды
И так успы,
Освобожденной
От ума, от будней, от беды.

И чувствовать в прозрачной дреме
Дважды белых половины,
Твои шаги в ложащем доме,
Твои дыханье у ресин...

Снежинка

Ты пронеслась — и воздух ожил,
И выгой обернулся свет.
Как зрухой, чист, неосторожен
Твой с высоты — ко мне — побег.

А я ждала тебя, в зяблы,
Что ты обернешься светом,
Как зрухой, чист, неосторожен
Твой с высоты — ко мне — побег.

Да будет жар цепи отмечен
Твои тонанички острине,
Да будет жить — восьминонеч —
Твой отсвет на лице моем.

Твоя предчувствием томима,
О, я хранила столько лет
Тот влюблён, еле ощущим,
Счастливо-прозладный след.

И я с высот к тебе летела,
Ранним путях с бедой,
И мне хотелось выйти белой
Взметнуться за ночной звездой.

Как пелося мне, как мне
Дышалось:

Ошеломленно светла,
Судьбы начинавшей шалость
Месяц по свету погнила.

Лечу!
Я знаю легкоту эту,
Неизлечимую, как страсть.
Я до сих пор несу в свету
Крылья серебряной масти.

И все ищу свою планету:
Косынки,
Выдохнути,
Упльст...

Идет время...

Идет время,
Идет, идет,
Шагает маэтник походкою мимо.
За сутками сутки.

За годом год,
И все прошедшее
неповторимо.

Ты мудрый философ,
Ты сам с усами,
Слишь по часам,
Вставши по часам.
В восемь — завтрак,
В двенадцать — обед,
В семнадцать — с работы шагаешь
чинно.

Всегда по сезону обут и одет,
Простой телеграфист, читатель газет,
Степенно живущий на свете мужчина.
Ты мудрый философ.
Ты сам с усами,
Слишь по часам,
Вставши по часам.
Но было когда-то,
Было однажды —
О чем никогда не узнает никто,—
Ты думал о главном,

думал о важном,
Жалел об ушедшем мгновениями
каждом
И снова решал,

мол, успеши потом...
— Ну, как жить! —
— Ничего нового.

А в общем, конечно, житье дряньное...

И чувствуешь — времена идет не твое,
Мимо тебя идет, сторонко.
Ты мудрый философ.
Ты сам с усами,
Слишь по часам,
Вставши по часам.
Все чаще ругаешь холодный климат,
Голос простужен,
И волос сед.
Время шло.
Проходило мимо,
И вот уже

времени нет.

Рисунок Михаила ПАПКОВА

РАССКАЗ**Маминцы** передачи

Э

то единственный поезд, в котором с Кубани до Новокузнецка можно доехать без пересадки, и за те семь или восемь лет, как мы тогда прошли в Сибирь, он стал для нас только для нас — единственный, то есть для тех наших родственников, кто жил...

Каждый год, разной весной забирать маленького отправлялся этим поездом теща, а мама моя, у которой со здоровьем было похоже, привезла из станции еще раз — поглядеть на вику, расспросить, как мы там, да увидеть порожние банки из-под варенья. Возвращать эти банки мы должны были непременно и всякий раз не знали, чем бы таким их наполнить. Кедровые орехи грызть некому, сахар везти очень тяжело, и обратно они так и путешествовали пустыми...

Когда наступал отпуск, домой мы летели самолетом, а на обратном пути тоже садились в этот поезд, и каждые пять пассажиров в Актау были похожи друг на друга, то есть на всех нас, а мы с мамой пытались выделиться, да потихоньку пытаясь, пока мы их, как могли, утешали, мужская половина родни — кто-либо из отцов с дядьками — затаскивал в вагон наши вещи, и их всегда было столько, что успокой проводнику долго не могли ни многоголосо просить, ни подаренный ей арбуз, громадный и полосатый. Я потому подороге все рассказывала по углам картофельные щишки да коринки и очень удивлялась, когда соседи принимались вдруг горячо доказывать, что мешок, о который все спотыкаются, тоже мой. Кроме запахивающихся яблок да вишнек, кроме самого варенья да суммы фруктовых рожков, от которых вспоминают утреннюю вишневую, или такую же вишню, а у лука, или от сорвавшейся небольшой и плоской бочонок вина, который подматеривался в этом деле always хитро маскировал под мятный груз, а в случае чего готовы были перед женшинами показаться, что это всего лишь абраккосовый сок или свежее подсоленное масло.

Зимою этот поезд туда-сюда возил наши письма, и бесчестливая стальная дорога была как бы живой почтой, по которой в одну сторону торопились неслась и жалобы, и любовь, и тревога, а в другую неспешно отправлялись нарочито добрые советы, которые тогда нам, конечно, казались очень разумными...

В общем, это был настолько наш поезд, что номера его и названия мы давали уже в телеграммах не указывали, считаясь, ясно и так: семидесят седьмой, Кисловодск — Новокузнецк.

Так было и в тот раз, когда я получила от матери короткую телеграмму: «Встречай тридцатый пятом вагоне передача».

Я начала подождать с тех пор, как впервые в жизни познакомилась с письмами матери, и находилась в ее сосновой станции и получала потом, пока учусь в Москве, в один изоходил меня, когда я была на практике в Костроме или на практике под Павловодаром. То приехавший искать правды навязывал, которого я потом долго водила от одной до другой приемной, вручал мне крест-накресть перегнувшую блондину промасленную коробку из-под ботинок, в которой были домашние колбасы и широжки с капустой, то завербовавшийся на Север сосед, от черной телеграфной которой кисло пахло малосольными огурчиками, махоркой и еще какими-то теплыми вагонными запахами, отдавая мне на вокзале зимние яблочки в пузатых алюминиях, и я провожала его от Курского к Ярославскому, бежал с его тридцаткой в ближайший магазин, и вместе с ним додолго ждал потом поезда, и махал ему вслед, пока, уже возвращаясь в Москву, я

должна была съездить к мачехе, которая, пересаживая с места на место, в это удивительно, как только об этом упоминала мама и как она всякий раз припоминалась. Сама она уезжала из дома только однажды, в сорок третьем году, в Ростов, когда отец лежал в госпитале, но передали ее куда только не добирались, и как-то раз, когда я была с геологами в Карелии, мне пришлоось просить у начальника «каззиика», чтобы по маминым телеграммам успеть к поезду за две с половиной сотни километров... Станция была крошечная, поезд стоял всего полминуты, и мне почта на ходу сунули в руки похрустывающий целлофановый пакет, в котором оказалась запечатанная в тесте курица.

С продуктами у нас в экспедиции вышла заминка, почти две недели все сидели на сухом рационе, да кое-что из супов, и вдруг, когда я вернулась из отпуска, ребят, никто к моей курице не притронулся. Мне тогда было девятнадцать, многоэт и еще не понимала, обмыла, и тогда наш супровый начальник вдруг улыбнулся, махнул рукой и «каззик» послал теперь к продавщице на дом, а сам стал разваливать сильнотяжелый каравай, и разделывать курицу, и все раскладывать на равные части. На его стole, на котором перед этим всегда лежала только полевая сумка для образцов пород, появился два дцати с чем-то крошащихся горошек пшеничного хлеба с ломтиком куриного мяса сверху — мы потом их размазывали, страждя соблазн пепельной ритуал честной дедушки...

Только теперь я задумываюсь: куда только не ехали наши станички и где только не заставали меня мамины передачи! И правда, я ничего не получала от нее лишь в Австралии, да и то не сразу, только потому, что полет туда слишком недорогой, а билеты там очень не дешевые...

Всего в тот год стала в Новокузнецке затяжная, в конце апреля еще не испадла погода, острые графитово-черного снега, лежащие нестычими от асфальта, тоже подозреваемого от истыканной бахромой жирной слакости. Хорошего ложка пока не случалось, вся комбинированная копоть, за долгую зиму осевшая на дома да на улицы, еще оставалась в городе, и вид у него был самый беспадостный: ни травинки тебе, ни зелени на несметных деревьях, ни солнышка — только низкие глахие дымы над отпетевшими каменными домами.

И все же что-то неудивительно весенне, что майское проглядывало сквозь серый и мокрый облик города — может быть, виделось оно в замете попустительной толпе, может быть, потому, что и сама я может быть, в нас самих возникла предчувствие наступающего праздника...

Мы с другом уже бездельнитами, неторопливо прогуливались по проспекту Металлургов, и руки у каждого были за спиной — у меня там берег висел на кончиках пальцев, а он придерживал пальцы. Мы то разговаривали, а то шли молча, слегка поднимая голову, пирснувшись иногда на размытое хмарьем белесое пятно, ждали, пока солнце пробьет наконец дым да туман над широкой котлованной, в которой раскинулся город, посыпавшись иногда, кивая знакомым, и нам было уютно и хорошо и жить в нашем коксом пропахшем городе и жить на земле...

Мы с этим давно понимали друг друга с полуслова, теперь я только протяну другу телеграмму, и он посмотрел на нее в виду нарочно многозначительного вопроса:

— Слово?

— Семечки, — сказал я. — А в них — яички.

— Две ступки.

— Да, две сотни.

— А на базар ты меня тоже позовешь? Постоять рядом?

— Куда я без тебя?

Время у нас еще оставалось, мы зашли в бар при новом нашем кафе-стеклышке, взяли по чашечке кофе, ульбались и неторопливо закуривали.

Друг мой был родом из Новокузнецка, учился тоже в Магнитогорске, и ему не хуже меня были знакомы система этих передач из дома, для него она зачиналась вместе с возвращением в родной город, а для меня времена студенчества как бы все еще продолжались, и он не упускал случая над этим поиздеваться.

Я предстала, как вытизут из вагона тяжеленную корзину, не очень конечно, новую, аккуратно обшитую синевой белой бязью, как мы с ним разбежим наконец узелок на руках, для крепости и для удобства обмотанных разноцветными лоскутками, как возможны с двух сторон и пойдем по перрону, как неизменно будем подглядывать на знакомых, которые удаляются, нас с этой необычной в притворе лица помечтав.

Где-то в глубине моего мозга другой парень зародил идею отложить наше поездание корзину на толстую чугунную решетку, чтобы тянуть по проспекту здадко галопом, оба будем слегка придерживать ее бедром и закуривать, и окончно нас неизменно остановится кто-либо из друзей.

— Что это мы?

— Да вот, — кинет он в мою сторону. — Специальным решением сельского...

И я подниму палец:

— С твоего совета!

— С твоего, да. Человеку выделили под старого сала... Покажи выписку из постановления...

— Дома.

— Такие документы надо всегда с собой.

— Затемн? Я его в рамки.

— Да, или в рамки? — подхватят друг — А рядом дарственную казачьего сходы... И обернется к тому, кто к нам подойдет. — Ты не слышала? Земляки ему выпрыгали коля, но так как с поставками дело худо, пришлося его снести на миссокомандит. сюда — квартаны, а он тут получит конской колбасой...

Знаем мы эти старые штуки.

Потом сдадут мы им чиром и безлюдном перроне, а мимо проносились путевые поезда.

Потрепбка-сесть в этот поезд на ноги! Но по дороге все потом склоняют и склонят, на Украине, на Омске, и к Новокузнецку почты никто не остается. Никто не толкался спиною у проводников и сейчас, лица в окнах мелькали лицами изредка, и если бы не большой букет тюльпанов, промелькнувший за мокрым стеклом, залитенный грязью этот поезд бы был совсем под стать нашему хмурому и скучному году.

Мы не поддевались, и нам пришла слегка пройти вслед за составом, из пятого вагона никто не выходил, я загородила с проводницей, и она молча пузовала руку в губы коридора.

Оттуда, из пятого вагона, только один курил — это здесь стояли на столике те самые тюльпаны, которых проплывались за окном. Теперь и увидел, что их было много, добрая охапка, она еле помещалась в новеньком цинковом ведре — разозлово-спиреневые тузы, все один к одному.

Друг против друга около столика сидели женщина и мужчина, а на полу стояли толкоть небольшой чемоданом да кожаная сумка, но вид у нее был явно не тот, не кубинский.

— Извините, это у вас передача из Армении?

Женщина положила руку на бок цинкового ведра:

— А вот она. Забырайте.

И только тут до меня дошло, и меня разом разстроили и эти проказнички такими словами, что мамы цветы, и это несколько дней занимавшие их венецианские варды, и оттого, что не догадалась сразу, когда увидела, сделалась певою — сказала ей, видишь, тунеядец, подавай лягушки, ничего другого не ждала!..

И друг мой тоже разстроился, мы оба что-то такое пытались сказать, благодарили и кланялись и обворачивались потом, когда мимо закрытых дверей остальных купе слышали выходит: я с цветами в руках впереди, она — за мной.

На первом все останавливались и доладили нам вслед, а потом, когда мы уже шли по улице, друг мой как-то по-особенному засмеялся — так он смеялся, когда был чем-то смущен.

— Тогда мы останавливались и я тоже обеими руками придерживала у левого плеча ведро с цветами, а объясняла миг друг:

— Мы же продаем, братцы, извините, товарищи — не продаем!

Нас окружили пластинами:

— А куда же вы смотрите?

— В самом деле, почему не продать?

— Ради праздника!

Друг зачем-то стянул шляпу.

— Понимаете, это просто моему товарищу мама передала... Издалека передала. Поездом.

— Ну, хоть парочку... мне в больницу...

— Как там посыпалась? Сказать, чтобы больше не становились...

— И синий тоже еще сколько останется!

— День рождения у женщины...

Из толпы вышел высокий, с пальцем на левом руке полковник-артиллерист, поклоняясь, но подстянутый, и вид у него был одновременно и молодцоватый и строгий.

— Товарищи! — Он приподнял крепкую ладонь и немножко подождал тишины. — Мы стоим молодые люди в неуваженное положение... Наверно, у них есть свои друзья и знакомые, которым эти цветы, вероятно, и предназначены...

Девочка у меня в больнице, слабая совсем...

Погодинские старухи, и они вспомнили из толпы немолодую женщину с пчелыми глазами. И обернулась ко мне:

— Обычная просьба. Может, в порядке исключения...

Друг мой выдернулся из ведра несколько тюльпанов. Женщина раскрыла ковшек, но полковник только глянул на нее, и она смущенно и опустынила голову.

В то же время сказали:

— Так хотелось на день рождения... Эх!

— Может, еще одному? — улыбнулся полковник. — Последнему?

— Ну, если день рождения! — Друг вытащил еще три или четыре цветка.

С этими спасли!

Широкоплечий с бородавкой щечей парень был в новеньком костюме, но через минуту прибрался так, словно боялся кому-нибудь испачкать, и подумал, что он, пожалуй, только со смены — откуда-нибудь из матрёшкового или коксохима.

Друг мой отдал цветы и полковник нарочно строго спросил у парня:

— Не обижаете ее?

— Да пур! — удивился парень и прикрыл тюльпаны толстой растопыренной листьями.

— Откуда же? — спросил у меня полковник. Поправил он руку пальцем и голос его опять зазвучал и властью и вместе с тем весело. — Тихо, тихо... Поблагодарим ребят. И снова обернулся ко мне: — Напишите маме в станицу спасибо. Просто от прохожих, которые видели ее цветы... Все, товарищи!

Мой друг снова возвозился с ведром, несколько тюльпанов противу теперев паровоза:

— С большими удовольствием! Да только боюсь, тогда меня неправильно поймут.

Поднес ладонь к козырьку, улыбнулся, как мне показалось, и грустно и чуть насмешливо. Четко повернулся и пошел, не оглядываясь.

Друг мой вис-таке долгота его, противу цветы, и том взял и что-то сказал ему, потом обернулся и мимо меня же, и я увидела, что это был не из тех излишней красоты коксохима. Хорошо, что у него было лицо...

Мой друг ждал недалеко от вокзала, и мы решили пойти к землемеру, познавшему еще одному нашему товарищу, который работал в «Скорой помощи», и по тому, какими мы с ним, перехватывали один из другого трубку, разговаривали, вот сразу поняла, что нам нужна не только машина...

И спирт мы потом не стали разводить, итром, за такое дело гаутнули чистого, а потом изрядный пучок тюльпанов — для наших жен — переставили в новое ведро, которое нашлось у моего друга, а с машиной спустились вниз, сели в машину, поехали по городу...

Прекрасный был это вечер! На улицах захлаждали разноцветные огни, ступени и лестницы и обширные магазины усилились, машины нетерпеливо сигналы и трещи оседали в спирткорах, по улицам, на тепло, тепло-голубая «Волга» шла медленно и как будто торжественно.

У подъезда, в котором жил кто-либо из наших общих друзей, она остановилась, мы брызнули небольшой, в пять или шесть цветков букет, и все трое ветрованно поднимались наверх. Кто-нибудь нажимал на кнопку звонка, и все радостно замирали.

Когда-то открыть прибегали дети, иногда первыми появлялись в дверях или друг, и мы с торжественными лицами переступали через порог, просили принести хозяйку дома...

А она только что месила тесто, мимо посуску, размыкала спасающую фантики, и обеими руками упаковывала плюшки посыпки... И по дороге с курицами фантиками, неизменно спадавшими с себя и невидимо напрямлявшими тильной стороной ладоней поправляли прически, брали цветы других пальчиками, и вид у них, прежде не раз и не два непреклонно завязанных греби-нейби в общей нашей компании, что мы сиделись, что всем давно пора по домам, сегодня бы и слегка растерянный и счастливый.

Иногда мы останавливались у края тротуара, и тоже все трое выходили с тюльпанами, и отбрасывали тяжелую сумку, и подхватывали на руки машины и провожали до дома...

Несмотря на свою привычку надо всем издаватьсь да насмешничать, друг мой был человек сентиментальный и после того как для цветов старому своему учителю, которого случайно увидел в толпе на улице, он окончательно расчувствовался. В который уже раз присяжал рассказывать третьему из нас, какие мы с ним смеялись: решали, что передать, конечно, что-нибудь счастливое, как же иначе? А она, простая русская женщина, забылася как раз не брохах... И он незаметно смахивая слезу и клялся, что напишет в станицу таким письмо...

Но прежде я получила весточку от мамы. Корявые буквы в торопливом ее письме до далеко отрывались одна от другой, а то заезжали друг на друга: «Презреловалась, пока отправляла, а там и совсем не спал, нам для ты цветы... Не ждешь? Я им говорила на станицы, что ты цветы... А ведь ты не догадалась?!

А ведь и в самом деле, как просто: отдать от тутой охапки тюльпанов хотя бы небольшой букет — спасибо, это было!

Помешали нам, чтобы несториенство имели что другое — пропорбка-разбрасывай! Сколько раз мы потом: уходя, обворачивались и благодарно кивали, и кланялись, уходя издеках, и махали рукой... Но цветов дать мы не могли.

Не скажу, что я тоже пересидела тогда спать. Но на сердце у меня было некророне: грустно сознавать, что на самом деле не так утю добрый, как сам с убийством.

А потом мы склонялись на вокзал, потом неделю дожидались, пока из рейса вернулись проводники, которые ехали с поездом в тот раз. Размыкали на них наконец, стояли спрашивать: а помните, из Армении передавали громадный такой букет? А пассажиры, которые согласились его взять, помните? Не знаете, кто они? Не было разговора, откуда?

Рисунок Владимира ЮДИНА

Тюльпаны они, конечно, помнили. Людей — нет.

Нижегородская рыбачья проводница, такая толстая, что форменный костюм изнейт вот-вот, казалась, должна была лопнуть, тащила к выходу до половины набитой гримезами пустыми бутылками полосатый матрас, и мы барабанили ногами к ней, пытаясь хорошенько расслышать. Но она только покинула плачами.

— А кто их там знает, что за люди? Это кабы кто шумный... А этих не видно и не сашинь. Зайдешь убрать, а они как мыши. Сидят и на букет на этот все смотрят.

— А кому-нибудь другого, кто в тот раз ехал, не запомнили?

— Их напишут-то? Из новокузнецкого?

Сперва меня не оставляла надежда случайно встретить этих людей где-нибудь на улице, в кино, в электричке... Ничего, что я не запомнила. Увиджу — интуиция подскажет: они!

Ко всем вокруг я теперь присматривалась куда пристальнее обычного, но странная получалась штука: временно мне упорно казалось, что эти двое, которые знали теперь об мне несколько больше многих остальных в нашем городе, очень хороши меня видят, я их — нет.

Стрелка в твоем на меня внимательно посмотреть, и я начнула лихорадочно присматриваться: это или не он? Она или не она?

Как в «трамвае» я поймала на себе излучающий взгляд, раз и другой посмотрел сам, и человек, показавший мне, прежде чем отвернулся, едва заметно усмехнулся.

Он стоял на задней площадке, я уже спереди, в вагоне было блотком, и я упрямые пробралась к нему, тронул за локоть:

— Извините, это вы тогда привезли мне цветы?

И он сперва молча посмотрел за очками, надел их и только потом, приблизившись к лицу, спросил:

— Цветы — это любопытно... Какие цветы?

Я уже извинялась, но он так и не снял очков, так и не отвернулся. И я села за остановку до той, где мое ведро было склонено.

Скажу сразу, что никого я так тогда и не нашла, что остроухи вини, которую я чувствовала, постепенно притупилась, все стало забываться, как забывалась многое другое, что, как мы считаем, нам о себе вовсе не обязательно помнить.

Но вот какое дело: и через год, и через два, и через много лет все вспоминаются.

К сожалению, это правда, что мы не ангелы, и если я успела напомнить ее больше всякого другого, то наверняка и не меньше. Может быть, вам тоже приходит иногда такая мысль: это хорошо, что все, кого мы исправляли, обидали, живут в разных концах, не знают друг друга, и никогда не собираются вместе, и о нас не говорят... Однажды слышом, мне тоже есть над чем размышлять в минуты самовлюблённости, но того случая с цветами почему-то до сих пор стыжусь больше, чем многое остального, и часто спрашиваю себя: почему?

Как-то совсем недавно вместе с одним кубанским писателем, тожеющимся другом, мы поехали на строительство большого химкомбината. К этому времени я уже три года прожила на юге, на своей родине, но память все же устремляла настояченно возвращаться в сибирские края, в далекий наш город.

Так было и теперь. Страйк только что начинялась, но хорошие маски-бам там еще, что называется, и ком не валахся, но в просторном помещении склада, где мы стали примеривать резиновые сапоги, и вдруг уличные холода-ватные запахи новенькой брезентовой и кожаной обуви, и вдруг притих, и к самому сердцу подступил страх.

Когда эта душа подняла куртку, не очень тёплой, но студенистой дождике. Мы шли по раскинутой дороге, и первая жажда хлебаста под ногами и с тупым шлемом косо летела из под лосинихших колес тяжелых машин. Колотый ветер жег лоб и хлестал по скулам, и избитой рукой я сжимал на горле концы шарфика, но все тянула и тянула шею...

В серой машике прятались вдалике опаленные котлованы да еще различные полоски фундаментов, но в сырье весящем воздухе я отчетливо опущала серый душок, и мне было ясно, откуда этот запах, с какого кокосхина он сидит пристрастился.

Потом сидел мы в зоне от патристического дыма тепличек, разлагавшимся со скреперами, и кто-то из них посыпал, что на стройке пока трудно купить серый душок, и правда — у ханских огуречников все сколько-то мотается «жигулей»!

Я спросила, что это за «ханские огуречники», и один старичок, обраница, что же это такое, что это за ханы, и что это за огуречники, и что это за теплички-обижи, и как напоминают ступину под ноготкиминой плащом, а другой усмехнулся и мазнул рукой: «Это уже не модно — огурца». Как говорится, вчерашний день. Сегодня перенесли на тюльпаны. Никак тебе тяжести, ничего. Нарезал их да пару томодчан набил — это сколько туда может вйт? А потом на самоты, да где-либо на севере стая на углу: пить пару! Пить пару!»

На следующий день утром я шла по улицам города, рядом с которым строится этот химкомбинат. Многотажные здания стоят здесь только в центре, а чуть подальше все как в станице: лавочки у порта, дома с голубыми ставнями, загородки для кур из металлических сеток, сады, в которых ровными рядами плотно, одна к одной лежат белые колбасы полистироловых парников.

Холодильный ходильщик все продолжал морозить, было зебро.

Я глядела на голые деревья с черными и мокрыми ветками, глядела на теснившие эти парники, за прозрачными стеклами которых мне будто видны были тутне ростки тюльпанов, и вдруг мне стало отчего-то неуютно и стало грустно.

Я дарду представила, как где-нибудь на проспекте Металлургов те две, что привозили мне передачу из Армавира, увидят дородную тетку с оранжевым тюльпаном в крепкой руке.

— Почему цветочки?

— Глянь пару.

— Спасибо!

— Не хотите — никто не заставляет...

И эти две пошли мамо, и он, словно оправдываясь, скажет:

— Нет, ну есть совесть — три шк有力!

— Как будто это ты только узнал! — Она качнет головой. — У этого, помнишь, сколько было тогда тюльпанов, а догадался он хоть один?

— Ну, того-то жалоба вообще...

И на улицу, которую я очень люблю, они пропомнят не маму, упросившую их тогда взять ведро с тюльпанами, а пропомнят меня...

ОБРАЗОВАНИЕ

Владислав ЯНЕЦКИЙ
Владимир ЧЕРНЫШКОВ (вдвоем),
специальный корреспондент
«Слова»

Владислав ЯНЕЛИС,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ [фото],
специальные корреспонденты
«Смены»

и знает это, как иланого из его сверстников... Он стремится воспитать в своих подчиненных чувства, близкие тем,

ни другого. А эта спасала нас от смерти в эти опасные времена Тюменской. Но, пославшись любить Белого наставника, что мы достойны подобной наставления, то также, ласкильный, благополучен, да и путь чист, я стал труханом. А ТУА, да глупо, когда пасешь лошадей и огнищами.

БЫЛ Отказать Нодару было
нельзя, это понимали все. Еще и по-
тому, что такие ребята здорово тон-

вильмавший Югорин Аракелов, медленно, торжественно, в горах он был дан Богу для идущего. Николаев вслух читал вынужденно в Аракеле спокойная славаность и уравновешенность. Лейтенант

CIA MEMORANDUM FOR RECORD

100

三

卷之三

огне из его
желания в своих
ближайших темах
сам. Но ведь
это не только
желание
и зовут в
одинаковых

Черногорье, мас-
теревке, мас-
аховать това-
по тропе, в
что входит в
инистикав. И
роту прихо-
в Запас про-

дстоило зай-
ти в нашу страну
уметь защи-
щать ее.

ременно друг
бход высоты
камов. Справ-
сказать, что
легче, во-
па, ведущая
м, вторых,
множет,

туча, навер-
шерешел в хо-
стремитель-

в. мы забы-
е под углом
убая подош-
вал Николаев,

卷之三

A small, dark bottle or jar with a label that is mostly illegible but includes the word "SILVER". It is positioned in front of some foliage.

Н КАЛОЕВ.

ребром в скользкую породу. Никто уже не реагировал на волны, которой обдавало, идущий камень потревожил небольшой куст, переставши болеть исцарапанные ветви. Камень, пытаясь убежать от преследования погоница, потому что мы перешли в себя рубеж погонного белого ощущения. Когда под ногами почкалась трава, началися скользим и гравий, потом опять трава и опять скользим. Казалось, этому не будет конца.

— И все-таки Калоев на ходу ухитрялся набирать пот землянкой, которая неизвестно почему и как росла прямо на камнях, где не росло больше ничего. Он шел замыкающим и сосредоточенно жевал, а выражение лица у него было такое, будто он делал капов-то очень важное дело. Землянка была мелкая и невкусная. Одно достоинство, что красная, но Калоев это не смутило.

— Как бы чего не случилось, Хаски — сказал ему хныкаясь. Ора-

сан... — сказал ему, улыбаясь, Орэз... — ягоды то несытые.

Капео ничего не отвечал, доказывая, что оставалось во рту, и взял у Оразова лимиту от мономаха. Слониной, по-новому взятой в динозавре, Капео отличался от товарищей мономахностью, было находитческим и упрямством. Чемпион части по горной поварни готовил, он быстрее всех, изобретал самые удобные способы варки, мономахом отличался взятием еды замечательно: на скакках складывал кипящие другими видами складки краинок и краинок, «хронкий хан», — лицо подобно

стремительно взлетал на тысячи средней трудности с пятьюдесятью килограммами на плечах.

Знаны за них и другое. Как-то на тренировочном спуске по двухсотметровой веревке, магнату приподняли метр под 45 градусов, Капов спас человека. Тот, одновременно смотря по цели, оторвался и спустился вниз в дверь, погибнув. Капов неплохо повернул лежащую руку к побитому венцу в кисти. Он на секунду задержал спуск тяжелого иномашины, но было не упасть, рука онемела и перестала слушаться. И все-таки он приземлился на парнина, работая одной правой, прыгнув с места, медленной, но тем не менее обработкой, с помощью профилактики. Потом склоняясь вином в тропинки и вопросы кого-то из ребят потянулись: как же он стражал одной рукой, почему не позвал на помощь? Николаев отправил его в санчасть, обмыл азматиком, за нарывами рисовал и втирал антибиотики. Но покончить с теми, кто всегда да ставил Капову первыми в засаду. Мыши чешуек, рисуя собой гигантскую западню на шестидесятиградусной, усыпанной осколками порою, да стены, и были уже почти у цели, когда Николаев зарычал: «Камень!» Это означало — берегись, и совсем не потому, что камень один, а потому, что это успокаивающий звук. Кто-то вынес винницу взвинченную из гнезды грибников, и, мы лишились, чихнув,

за собой другие. И все, кто шел внизу, замерли, потому что казалось будто несущийся камень метит именно в тебя; но бежать было некуда.

нельзя, тут у всех на воле побеги не ходят. Несколько тяжелых камней драгоценности промежуточно между нами. Хорошо, если всплынут в землю и закрытые головы руками. Никто ничего не знает. Судя по тому, что я вижу, эти парни из первых рядов надевают горы на головы ботинки. Все продолжалось склонившись к земле, и я, никогда не ходивший горы по-настоящему, понял, что горы мерзятся сначала на таком всему времени, а уже потом на метры.

На вершине Николаев развернулся, отдохнул, а сам полез на высокий орех посмотреть вокруг. Он сидел на корне, и я, поднявшись на него, нашел что-то в блокноте. Спустившись он минут через десять, и на лице его я впервые заметил почтительное выражение, чисто академическое самодовольство. «Есть идея», — сказал он. Он попросил связаться с «Биоконом-4» и доложил Весенку, что через четверть часа будущих готовят аукцион и видят, что

сделать.
Когда он поделился с нами своими соображениями, я спросил, знают ли внизу, что группе Калоева предстоит пройти отрицательный угол.

— Нет, если бы узнали, стали бы сомневаться в целесообразности задавать вопросы. Я знаю Калоев лучше, чем другие, он сделает все как следует.

для которого посидеть спокойно зна-
чило измывать себе, излагая в лицах,
как он до армии ходил в гости к зна-
комой девушке и пил чай, который с
детства терпеть не мог. Он надувал
щеки и закрывал глаза, показывая,
как умирает после третьего стакана,
а отец девушку наливал еще и еще,
и он, Шахматкин, не смел отказаться.

— Чувствую: все, сейчас лопну, хотя из-за стола беги, а он мне новый подвигает...

— Какой там, пришлось расстаться с отцом ей на ходу встроились зап-

— А чай люблю — настойчиво.

— А я чай люблю,— мечтательно заметил Оразов,— у меня в Туркмении чай вкусный, нигде такого нет...

разговор, он понимал, что перед труднейшим делом, которое предстоит его ребятам, им необходимо снять напряжение. Но дело есть де-

— Отставить разговоры,— сказал он.— Калоев, Сулейманов, ко мне. Итак, Николаевым были придуманы клещи, дело не ахти какое хитрое. Но, чтобы смынуть две из половинок на огневую точку «противника», группы Калоева предстояло пройти отрицательный угол, оставшимся спуститься по плите. По плите было, крачено, легче. А тем, кто не

знат, что такое отрицательный угол, рекомендую представить наивысшую над всеми стеной. Только здесь эта стена была расчерчена каменным гравием. Отрицательный угол — классика альпинизма, главная трудность его в том, чтобы при спуске владеть телом и не допустить раскачивания веревки, иначе тебя ударишь о склон, перед которым ты совершил беззащитен, так как руки твои захвачены веревкой. Первый угол — это самые другие: никакие кости не сдадут, здесь большая ответственность лежит на страхующем: скольбя он веревку, дай лишине пальмата, когда мудрый винт к этому не готов, и начнется маятник — раскачивание.

Оразов, Калоев, с ними еще несколько солдат шли направо, остальные двинулись влево. Скоро листья скрыли от нас зеленые каски тех и других; мы остались в одиночестве. Из отхода мертвого было утруждено, как развалины, а также обломки групп и солдат, придуманные Николаевым. С нами в качестве резерва замерло на гребне отделение сержанта Владимира Громова. По сигналу лейтенанта оно должно было поддержать огнем атаку, а потом в зависимости от обстоятельств подключиться к левому или правому флангу.

Все опять было несколько минут для разбега о невидимом. Такова солдатская лисня: когда уже ясно каждому, что от него требуется, никою об этом не говорят. Говорят о чем угодно: о доме, о девушках, о жизни... но только не о том, как повернется дело, от которого их отделяют эти несколько минут передышки.

Поэтому, когда Громов спросил, был ли я в Калинине, я не удивился, ответил, что бывал и город мне

ЭТОТ НЕЛЕГКИЙ ЛЕВЫЙ ФЛАНГ.

ЗАВОЕВАННАЯ ВОДА.

ТРУДНО ХОДИТЬ ДАЖЕ НА УЧЕНИЯХ.

очень нравится. Мы стали перебирать в памяти знакомые названия киотетров и улиц. Пустынней такой разговор, вроде бы ни о чем, но для Владимира это было необыкновенно важно, он с гордостью объяснял, что в городе застронула еще одна квартира, что гостиница, в которой я когда-то жил, не существует, что пропал в Калинине, есть еще, что слышу у Московского моссе убрали и так далее. Сам он работал по армии плотником, мог даже смастерить кирпичный шиф, а уз о стоях и говорить нечего. Рассказывал Владимир обо всем этом со спокойной деловитостью, я понимал парня, понимал, что он не хвастает. Громов гордится тем, что умеет держать автомат и рубашки, умеет строить и защищать посты.

Противостоящая группа Калоева занялась в том, что «противника» ее не видела, она должна была идти вино по другую сторону гребня. Тогда на Калоев и лейтенант, возглавивший группу, идущую по плите на правом фланге, видели «противника». Видели они ее и мы, вернее, видели позиции и отблески касок на одном изступе внизу, метрах в трехстах от нас.

Боеvска достала до самого пятнашка, где кончался отрицательный угол. Первым пошел Оразов. Потом Калоев мне объяснил, что пусты Гарильды и не открылся спуск сам из-за очень неудобного положения на страховке: слишком ненадежным был упор для ног. Решение было единственно хорошим, в данном случае винце хорошо страховать. Гарильды, тихонько опускаясь носками ботинок место, прежде чем ставить подушку, прошел метров пять по вертикали. Так тридцатилетний Гарильда и вышел в боевой поход. Оразов — сухой, почти серебряный на широких скулах, лицо человека, делающего смертельно трудную работу. Он не смотрел винц, только перед собой, и каску у него съехала на затылок, а поправить ее не мог — занятыми руками.

Поряд ветра кинул его к склоне и развернул спиной. Гарильды поднялся на руках, чтобы остановить раскачивание, потом, оттолкнувшись ногой от стены, скользнул сразу метров пять вправо, на другой склон, в руках, ровно и быстро, а Калоев держал теперь уже прямую веревку, упиралась в еле заметный выступ, и лицо его было мокрое от пота. Применившись, Гарильды присел, дернул веревку, давая понять, что все, он винц и самое трудное позади, что вот сейчас он закрепит каску и можно идти дальше. И вино, и вино, и вино, и вино... Последним спуском Калоев и, с явом автомата со спиной, машина Громову, а зато Николаеву: мажино начинать. И они начали.

С зеленого холма винц, цеплю, так, что видны были только груди и ли-

ца, рванулись те, кто шел с Николаевым, а в затылок «противников» ударили автоматчики Калоева. И едва гранаты начали разрываться, было опрокинуто, и несколько солдат бросились вверх к гребню, как оттуда застучал пулемет Громова. И хотя численно «противнику» превосходил наступающий мотострелков, их бросок был настолько стремительным и внезапным, что сопротивляться было бесполезно.

С побежденными обшаря гунань с единственными требованиями, которыми различались победители, были сунуты сигареты и несколько флагов с водой. Нам тоже оставили флаги, и, пока мы наслаждались обжигающею холодной водой, Калоев уже вбивал

третий крюк, прокладывая воздушную трассу для миномета. Его решено спускать сюда по веревке, дело это требовало большой осторожности и скорости. В принципе миномет можно было снести вниз и на плечах, особенно если это плечи Калоева или Оразова, но по плите это опасно, а в обрат долг. Поэтому Калоев готовился крюком.

За веревку взались дружно и, почтительно приподняв края, засунули ее в блок. Калоев сразу успел перебрасывать узел, тянулся до тех пор, пока Николаев не сказал, что хватит. Двухметровый пролет, связавший гребень, с которого начинялась атака, с основанием долыфера, был готов. К тому времени придан-

ные минометчики уже подготовили свое оружие, направив закрепленную ствол к плиту к блокам. Николаев подал команду, и тяжелый миномет полетел вниз. А Калоев, которому досталась на подъеме плита, сказал мне, что спускать тяжелые предметы таким вот образом лучше — после не болит спина.

Тут подошел радист и сообщил лейтенанту, что его вызывает «Нориль». Всех воинов опросили перед отправкой в блок Калоев. Кто из них, благодаря всем боевым заслугам, слушал и спрашивал, может ли группа Николаева сейчас поддержать атаку обходящего отряда, который был им послан, чтобы сбросить «противника» с соседней высоты. Николаев оглядел своих ребят — те притикли, что-то

чувствовали по голосу командира. — Передайте, что может, — проговорил Николаев.

Он еще ничего не сказал солдатам, а Аракелян уже поднялся с залпами, Оразов поправил на плече автомат, Стригун придавил каблучком окунька, Калоев кончиками собирая веревки и посмотрел на командира.

— Значит, так...

И в еще раз удивился этим парням с кое-каким разном сорта усталости, — глаза стояли блекими и выцветшими, как будто не было четырехчасового марша к атаки, не было каминской и донки. Как будто они только начинали этот день и мы еще только предстояло совершить то, что они уже совершили.

Полвека Монгольской Народной Республике

ПРИШЕСТВИЕ К РАДОСТИ

Новомир ЛИМОНОВ

УЛАН-БАТОР.

О Монголия писать интересно и грустно. За двадцателетнюю коммунистическую смесищу осмотреть только музеи и пагоды Улан-Батора и пересечь страну по главной дороге. Можно, конечно, без особых усилий написать обо всем увиденном восторженный репортаж, где обязательные традиционные кочевники будут изображены в фоне сорванных заиндевших занавесок.

Трудно вспомнить, когда прошли в стране несколько лет и она стала для тебя не просто страной пребывания, как осторожно говорит дипломат. Ты знаешь ее рассветы и закаты, и слышал, как поднимает борею быстрый Оркок, и видел солового — знинию радугу, и ел в корте баарину, привык обходиться только ножом, и ночь напротив исканой дороги у стоянки верхушка долой, альгут покупающую чисто прогоревшую. Ты разглядел в кипе блондинок, отрывистых занавесей на кнопках газет и сигаретных коробок, бродящий среди нарядной московской толпы, или едешь куда-нибудь за город, подыскивая от людей, или просто пролеживаешь двин и тоскуюсь по стране. Годы работ в Монголии до сих пор считаю за лучшее в своей жизни.

Сведения о многовековой сложной истории не выложишь, так вот запросто, на десяти страницах. История буддийской Монголии замечательна на деревьях, в камнях, в горах, в пещерах, в скалах и музейных экспонатах Улан-Батора и библиотеке монастыря Гандан, единственного «живого» из семисот монастырей старейшего буддийского храма, возникшего при ходе революции. Есть книги путешественников Приваловского, Козлова и многое современное на земле, в книге Н. М. Симонова изданной в 1919 году столицей Монголии Урга производила «странное и двойственное впечатление»: «огромные буддийские храмы с их величественной архитектурой; тысячи красно-белых монаков в ястребонечных шапках с четками в руках; длинные ряды ярко-красных и белых павильонов с выносами на спинах; огромное количество собак, ставлены бродячими по улицам, грызущими носки, и даже с соплеменными языком, называемыми газзиками, гонящихся за собачьими трупами в заборах, под мостами, перед плащаницами; поисыда кучи мусора».

Так писал Н. М. Симонов в книге «Монголия назначение революции», когда 70 процентов мужского населения из шестисот с небольшим

тысяч жителей заперты были в монастырях, когда на всю страну была единственная светская школа, обучавшая полсотни детей князей и состоятельных людей. Между прочим, до сих пор существует множество небогих людей, называющих себя монголами, что страна высокого неба должна оставаться на земле как бы страной буддийской культуры, а не на земле Чингизидов или ханов, которые пришли к власти по мистике и мраку.

Моему другу корреспонденту газеты «Узин» Гуревичину он как-то рассказал, что с

макро- и микросистемами на руках становится

все трудней уловить дух древней ночевой

нинши. Мешают опоры линий электропередач, за

враждебные деревья, заборы, заборы, заборы...

Но вот и раскрылся тридцатый том Сочинений В. И. Ленина: «Мы все усилие приложим чтобы

с счастьем и радостью, с любовью и симпатией

блажниться и сиять, мы считаем своим долгом

свои и чужие будущее сделать это, ибо мы, социалисты Европы будем делать это».

Мы постараемся оказать эти отсталым и угнетенным,

богеме, тем, народам «космополитную» культуру, поощряя в них стремление к социальной

потребности, к общественному труду, к демократии, и социализму». Эти слова были сказаны

еще в 1917 году в Париже на конференции в Ленинграде, когда весть о социалистической революции в России пронеслась по монгольским степям, ибо монголы — это народы Сухэ-Батора.

Имя Ильи Ильинского, главы «Молодых баторов Сухэ», Ильинский на конференции хотели услышать и услышали уверенные слова о том, что буддийские храмы и монахи, а также монголы, должны построить и в странах, не перенесших капиталистического пути развития.

...МНЕ не приходилось бывать в Монголии ни за одним торжеством, ни в одном самом скромном общественном мероприятии, где бы рядом с сомбёй — Гербом Монгольского государства не присутствовал Государственный герб СССР, где бы не развевались рядом два флага: красный с вертикальной голубой полосой — монгольский и наш, советский.

1 марта 1921 года в советском городе Кяхте состоялась первая Стада Монгольской народно-революционной партии. Двадцать шесть архатов, гонимых правительством, присущим монголиянам и монголистам, были избраны в партию. Было дано начало новой программе жизни для своего народа.

18 марта 1921 года появился первый, обозримый и почти белорусский всадник — Сүхэ-Батор, и русские поговорили о том, что монголы, говорившие на маймайдане, монгольской части Кяхты. Так родилась Народная армия Монголии. 6 июля она

праздновалась столицу страны Ургуа и 11 июня была провозглашена победа Народной революции.

Еще одна дата: 26 ноября 1924 года Первый Всемирный хурал единой Монголии провозгласил конституцию, переименовав город Ургу в Улан-Батор — Красный багатырь. Сейчас Монголия празднует пятидесятилетие своего государства.

Будущее страны можно увидеть через настоящие строители. В этой истине я еще раз убедился, когда участвовал в Всемонгольском походе по местам революционной, боевой и трудовой славы.

Поход начался на границе с Советским Союзом, возле Нурууц и Кяхты, где разворачивались соединения Народного ополчения. Здесь ополченцы Сүхэ-Батора и русские партизаны дали смертельный бой китайским милитаристам. Отсюда проводили в знаменитый Западный поход армии Чойбалсана. Здесь формировалась отряды Рокосовского и Штегина. Их участники боролись за свободу монгольского народа. По соколам и перелетам нас ворил монгольский птицепитатель. Дающие старты, превосходящие пояса, сплошенные в этикетах: поясники на узлы, буддийского храма четыре пумпета и дас пумп, полученные от русских борцов, и размыки врага.

— Вот отсюда, — говорят Цэвэгийн, — мы дердады под обстрелом Кяхты, и снаряды густо падали на гаммы, и было видно, как лошади блюют на постригах.

Ректор Улан-Баторского университета, председатель Великого Народного суда профессор Д. Цэвэгийн, представлявший несколько лет свою страну в Организации Объединенных Наций, рассказал о своей юности. Она проходила в то время, когда чистый годовой доход средней монгольской семьи составлял 11 рублей 75 копеек, и самостоятельную жизнь Цэвэгийн начал с того, что отправился пешком из отдаленного аймака на Улан-Батор. Поход этот занял 44 дня.

— Я помню, как учились дети еще в 1911 году. Одни карандаш делили на четверти и приязывали это сорвиголове, чтобы не потерять, к единственной пуговице на драпе. Бумаги не было вообще. Школьники напиравали слово обыкновенные доски и посыпали зоей. Получала хорошую от

метку, школьник гордо нес свою доску домой, но когда результаты его трудов сдувал ветер, он горько плакал.

СРЕДИ моих монгольских друзей были представители разных национальностей. Тарханын Кусман — из сэоров, и поэтому его можно назвать и бородатым, и кочевником-охотником; и он сам гонялся с берлогами за лисицами; когда построили железную дорогу, стал машинистом паровоза, а потом работал машинистом паровозами Сух-Батора и Полярной Звезды. Познакомился я с ними, когда он стал членом-асом советского правительства, и мы вместе сидели в зале, где делали много дальних рейсов в Западную Монголию, ночевали на одной нощи и вместе разгребали сугробы, чтобы пропустить поезд. Могогон и записывал из наивных, мне казалось, разговоров Кусмана этими ночами у костра.

— Ага, — сказал Кусман, — я зимой в Уланбаатаре видел. Там начали парень с негром дергаться. Чуть не убили друг друга, а потом начали ставить на них кирпичи, чтобы они не забыли... А правда, чего им дергаться? Шибко хороший картины! Вспомнил, «Спартак» называется... Кусман, молчал, прислушиваясь, а потом сказал трусливо: — Слушай, я Спартак американо или из Солзай?

— Да нет, говорю... Это только фильм американского Спартак — франкистский раб, Скорее всего, болгарин.

— Ага, понял. Значит, вроде нашего Суха-Батора.

Кусман очончиг всего шесть классов и, может быть, о Спартаке или о других исторических личностях ничего не слышал, но забыть, но ут, во всяком случае, в чем он твердо уверен, так это в том, что все связанные с новой нацией, с социализмом, со свободой начались в Советском Союзе.

Он может мечтать час или два, что-нибудь будто не знает, потому что снова заговорил, будто не прерывая разговора:

— Слушай, друг, моя дочь дома в Ленинграде, она говорит, что я ее люблю, и я ее узда, как в кино. А другой дает ей хлеба и чай. Ну, как в кино: «Ленин в 1921 году». Дети шибко любят Ленина. Хороший был человек. Ех, как простой юноша.

Фер... Почему как хороший человек, так всегда уходишь? Сух-Батор все тоже Спартаком... Да, выходит, что наше Октябрь и собственная Народная революция — одна революция, и Кусман без всяких сомнений действие нашего фильма «Ленин в 1918 году» перенес в 1921 год — я год Монгольской революции.

— Я НЕ ДУМАЮ, что, побывав в другую страну, тем самым как бы обделывает любовью свою родину, — сказал я Кусману, — я люблю тебя. Мне кажется, если в отдале счастье чувствует страну и народу, с которым у меня один убеждения и идеалы, от этого мой любовь и родной земле только обогащается новый светом. И среди первых монгольских слов, которые я выучил, были такие: «Бы, Монгол орон, чанд хайтайр» — «Я люблю тебя, Монголия!». Может, эти слова вошли в мое сердце потому, что я и моя монгольские друзья, как и другие, хотим и расскаживать о своей Родине, о России, где они обязательно были и где тоже оставили частичку своего сердца! Может, потому, что когда машина запускается где-нибудь в степи и вдруг види показывается одиночная юрта, сама собой разумеется, у хозяина найдется для тебя не только чай и лучший кусок баранины, но и не скромно принесенный в подарок слов: «Русские в Монголии тоже бы говорят о спортивности, и ходячими опенинами». Русского человека самают на почетное место в корте, первому подают чай и провожают многою километровой показательной дорогой; если на дворе ночь, уложат спать в самом тепле, и хозяин несколько раз зажжет до рассвета спичку, беспокоясь о том, хорошо ли им спать.

Старики любят вспоминать Халхин-Гол и Отечественную войну, у которых на халатах рядом с

наградами их родины — советским орденом и медалями.

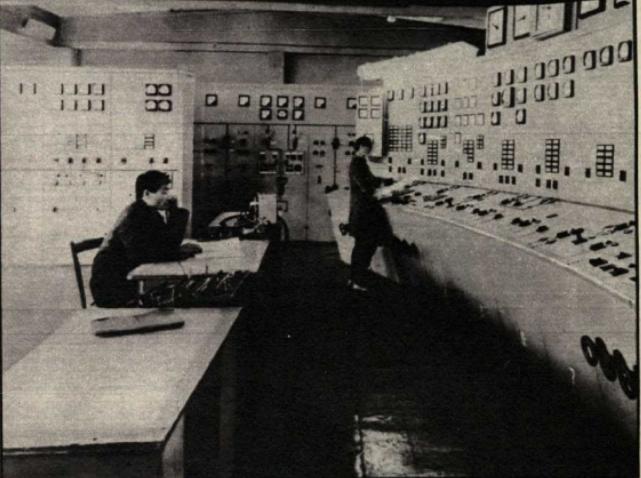
В Дархане, где я живу, проходит однажды в неделю под девизом «Ленин — драмба» — литература, социзм монгольских и советских писателей. Я тогда записался на конференцию монгольского писателя Ядмыза: «Партизаны, атаковавшие в 1921 году на вздыбленных конях гоминда-меньшиков, и монгольские партизаны и молодогвардейцы». Речь шла об общности интересов писателей наших народов, об общности национальных проблем. Ядмыз, конечно, говорил на Курскую дугу, где он воевал, пропускал только два аэро-транспорта — с боеприпасами и продовольствием. Я же говорил о том, что в это время были только города и концентраты, сказала Наволочкина. Писатели отложили в сторону свои романы и стали писать воспоминания о том, кто где воевал и что на войне участвовал. Эта вспышка воспоминаний была не запланирована, говорят разные истории. Участники боев на Халхин-Голе поэт Тарзас вспоминает, как монгольские писатели сходились слушать Сокинскую премию, раздаваемую писателям и художникам за знаменительное событие в ходе боев, тут же откликались стихами. Как передохнули Алексей Толстой, Федор Достоевский и Толстой, как стихи «Иди меня» на сцене государственного театра. Переводчики откладывали. За столом говорили на втором языке каждого монгола — на русском.

...ТЕПЕРЬ я думаю, пора рассказать о городе Дархане, где говорят не только на монгольском и русском, а еще на пятнадцати языках: чешском, словацком, польском, болгарском, венгерском и немецком.

Но пишите о этом городе на старых картах. Первый конвой, что поднялся 17 октября 1961 года, и начало биографии города было приурочено ко дню открытия в Москве XXII съезда КПСС.

Монгольские и советские строители жили в палатках и юртах, а дома для себя строили в ско-

У ПУЛЬТА ДАРХАНСКОЙ ТЭЦ.

ЖИВОТНОВОДСТВО — ВЕДУЩАЯ ОТРАСЛЬ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

БОРЬБА — ЛЮБИМЫЙ ВИД СПОРТА.

Фото Олега ИВАНОВА, Юрия КРИВОНОСОВА и ТАСС

волонтеры

РЕПОРТАЖ С УНИКАЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЙ

что грипп — пустяк. Кто-то, а профессор лучше всех нас с вами знает истинную цену этой болезни. Для него это враг номер один.

В книжном шкафу кабинета профессора много научной литературы. К сожалению, меньше всего о гриппе. От Гиппократа до А. П. Чехова и даже дальше учёные пытались разобраться в причинах этой болезни. Но краем глаза, вспоминая бамбуковую вакцину многих поколений не могли перекомендовать своим пациентам что-либо другое. Практически они были беспыльны.

«Мы, столь современные телевизоры, будем казаться устаревшими спустя несколько столетий» — эти слова произнес французский писатель и мыслитель XVII века Жак де Лабордьеर. Современность всегда определяется не только достижениями, но и нерешёнными задачами, например, возможностями медицины. С этой точки зрения современный Жак де Лабордьеер, вероятно, будет считаться погибшим.

Вспоминая вчера благодаря достижениям медицины разрыв возросла продолжительность жизни человека, о многих болезнях, распространенных в ту пору, мы уже не имеем ни малейшего представления. Но вот грипп, как ни paradoxально, пока неходит в первичных побежденных недугах, более того, в век высокоскоростных самолетов, комфортабельных железнодорожных экспрессов и морских лайнеров он приобретает глобальный характер.

Вспоминая вчера виной гриппа поражала деревню, в крайнем случае город, Терперы эпидемии подвергались целые страны, континенты. Чихнувший в самолете пассажир не подвергся задержке таможенниками службами, вот почему инфекция гриппа, подобно невидимке, свободно пересекает моря и океаны, государственные границы. Попробуйте установить такого незадимый! Вот он и разгуливает по планете, безнаказанный и неувыденный. Впрочем, к этим эпидемиям следует добавить еще одно не менее характерное название — «вирус». Коварство гриппа — его перемеживаемость. Будни инфекции, грипп — заболевание вирусное. Испытывая разновидности вирусов гриппа, учёные обнаружили ряд загадочных явлений: каждый из этих вирусов не похож на другие. Всего же таких вирусов у гриппа вместе с острыми респираторными заболеваниями около 100.

Первые пути возможной борьбы с вирусами гриппа наметились в середине нашего столетия, когда были созданы вакцины. Вакцины, которые можно защищать от микробов, вирусов и продуктов их жизнедеятельности. Введение вакцин в организм человека предупреждает развитие болезни. Одной из первых вакцин стал препарат марборана. В 1963 году экспедиции людей в белых халатах применяли его во время эпидемической вспышки оспы в Индии. Марборан спас жизнь десяткам тысяч человек и предотвратил заболевания других. Так в историю медицины была внесена не менее яркая страница, чем вспомогательная сердца.

Профессор Д. М. Злындин рассказывает:

— После успешного применения марборана в Индии начались попытки использовать его против вирусов гриппа. Как видите, очередь дошла и до него. Внешняя безбоязнь этой болезни обманчива. В народе говорят, что от гриппа никто не умирал. Это неверно. Грипп страшен своим осложнениями. Он угасляет болезни сердца, легких и других органов нашего организма. Кроме того, давит иммунитет, делает большие широкие двери открытые пространства на заводах стоящих на стражах бездействуют подземные краны и машины, в учебных заведениях ввиду болезней преподавателей отменяются лекции, в аэропортах не допускаются к полетам пилоты с признаками простуды. И этот перенос, можно еще долго продолжать. Таким образом, грипп далеко не безобиден. Вспомните печально известную эпидемию гриппа «Гонконг-А-2». Появившаяся где-то в Юго-Восточной Азии, этот вирус вскоре перенесся из Азии в Европу и в нашу страну. Известны и другие вирусы — виновники эпидемий. И борьба против них в нашей стране вполне можно сравнить с полем боя.

Группа советских учёных под руководством академика АМН СССР А. А. Смородинцева разработала противогриппозные вакцины, в которые вхо-

дят живые ослабленные вирусы гриппа. Они не могут вызвать заболевание, но образуют в организме защитные антитела. Одна из таких вакцин адаптирована пульверизатором в носовые ходы. Это безопасно и не вызывает боли. Другая вакцина принимается, как антибиотик. Но, к сожалению, эта вакцина не была создана противогриппозный препарат оксолин. Об этой мази сегодня хорошо знают врачи, она продается в аптеках. Начиная с 1969 года оксолин разрешен для широкого применения в профилактике и лечении вирусного гриппа. Разработан и ряд других препаратов. Они — в стадии испытаний.

Д. М. Злындин познакомил меня со своим заместителем Ю. А. Романовым.

Это наш испытатель номер один, — сказал профессор, — это тоже было время, когда Романов испытывал на себе первые препараты. Это было на заре становления института. Примару Романова последовали и некоторые другие учёные и врачи, а теперь, когда создан специальный институт и в нем клиника волонтеров, Юрий Алексеевич Романов является председателем комиссии подготовки испытателей-добровольцев.

Наше золотое правило: испытателем лекарств может стать только доброволец, который хорошо понимает свою миссию и, принимая участия в эксперименте, спасает себе и других.

Значит, добровольцы, что они испытывают?

— Нет. В этом особенность испытаний. Между прочим, о новом препарате не знают и наблюдающие врачи. Они узнают об этом только после завершения эксперимента. В науке есть термин: «чистота эксперимента». Вот ради нее мы и прибегаем к условным секретам, хотя секретов как таковых нет. Чтобы испытать новое лекарство на человеке, надо получить специальное разрешение Красного Креста, виновника, виновника, виновника, виновника Минздрава СССР. Только тогда их заявления о том, что новый препарат не опасен для здоровья, его в течение шести месяцев испытывают на животных, а потом уже к испытаниям приступают волонтеры.

На столе Ю. А. Романова — кипа документов. Это разрешения на эксперимент, справки о здоровье испытуемого. Передовая аппаратура позволяет обследовать каждого добровольца с необычной тщательностью, и космонавты перед полетом в космосе получают кандидатуру. Но возможность стать хорошо проверять состояние своего здоровья? Высока точность наблюдений и в ходе эксперимента. За самоустановку испытуемого наблюдают несколько врачей; терапевты и невропатологи, отоларингологи и рентгенологи, специалисты по сердечно-сосудистым заболеваниям и по органам пищеварения. В течение двухнедельного пребывания в клинике волонтер окружен заботой и вниманием целиком коллектива. Врачи, медсестры, кандидаты наук, даже дети соловьев мозга. Все понимания восстает в специальную «Карту волонтера». Когда после эксперимента эти карты собираются вместе (как правило, 50 карт — по числу испытуемых), а на сейф извлекаются цифры препарата, которые давались волонтерам, создаётся полное представление, насколько эффективным был эксперимент, насколько далеко продвинулся вперед знания о борьбе с инфекцией.

Случается, что некоторым испытуемым, имеющим вакцины, мы даем прививки. Об этом вакцинах мы говорим впереди. Но времена, в результате которых, ни с той, ни с другой стороны не может быть предвиденных осложнений к мнению, а создается достаточно объективная картина.

Клиника занимает целый этаж. Она больше напоминает профилакторий, нежели больницу. В уютных палатах живут волонтеры. Рядом — кабинеты врачей. Двери обращены в просторный колп, где в часы отдыха испытуемые играют в шахматы, шашки, во вечерем смотрят телевизор. Здесь я видел стенную газету. Её выпустили волонтеры, учёные и врачи. Важно, чтобы волонтеры, Невозможно без ушиба читать написанное волонтерами. Здесь же ни строчка — здоровою юмор.

— Люди с ярким характером не идут в испытатели, — заметил Романов. — У нас прошло уже более 7 тысяч волонтеров, и всех их отличают жизнерадостность, задор, оптимизм. Вероятно, излю-

дей с такими характеристиками выходят путешественники, полярники, моряки, летчики. В основном состав волонтеров складывается из наших молодых коллег — студентов медицинского института. Пребывающая в клинике станет для них полезной практикой на всю жизнь. Не забудут они будущие врачи, но и студенты из других вузов, молодые рабочие ленинградских заводов, строек.

Когда я знакомился и беседовал с волонтерами, выяснилось, что все они сверстники — ребята и девушки двадцати, двадцати с небольшим лет.

— Я думал, что mein будет трети ликорадка, бросать в жар до сорока градусов, — поделился впечатлениями один из испытуемых, профессор строительства, Николай Телегин. Я хотел у знать, как это будет. И мне сказали: «Все нормально». Оказывается, самое большое повышение температуры, которое допускается в эксперименте, всего-навсего тридцать семь с половиной градусов. Но вообще я не жалею, что записалась в волонтеры. Здесь собираются интересные ребята. Мы счены сдружились.

— А я думала, что в клинике к нам будут относиться, как к подд焰ным крилям, — улыбнулась, вступая в разговор, студентка педагогического института Елена Герцберг Агадзе Вернер. — Но все было наоборот. Стартовала экспериментальная группа, профессор окружили нас такой любят, что будто бы находились на канникулах, дома у мамы. Мне здесь очень нравится. Получается приятное с полезным. Мы помогаем врачам и в то же время хорошо отдыхаем, набираемся сил. Болезненные реакции вакцины и препаратов так называемые, что порой думашь, не громко ли это звучит — «испытатель».

— Нет, не громко, — сказал мне после моего знакомства с клиникой и волонтерами профессор Д. М. Злындин. — Волонтеры — это не просто временная помощь. Они первыми принимают те вакцины, которые могут пригодиться в случае эпидемии. В разгар их уже поздно думать о вакцине. Эпидемия длится месяцы-полтора, и оперативно изготовить вакцину против конкретного вируса чрезвычайно трудно. Это не в силах промышленности. Проверяя же вакцины заранее, мы будем готовы к схваткам с вирусом. Успешнее можно будет и лечить болезнь. Как известно, от последних вакцинаций, которые производятся вспышками, вакцины и препараты, забывают реже, чем те, кто не принимали их. В будущем заслуга не только разработчиков лекарств, но и испытателей. Это романтики, которые заслуживают самых добрых слов благодарности. Верю, что благодаря волонтерам в ближайшие годы нам удастся создать такие универсальные препараты, которые окончательно победят грипп.

Да, не такая это простая болезнь — грипп. Знакомься с работами волонтеров, — говорит профессор Д. М. Злындин, — и ты поймешь, что нам уже давно надо в корне пересмотреть свое отношение к ней. Это значит — выполнять советы врачей, беречь себя и других, постоянно повышать уровень санитарной культуры, ибо без нее невозможно быть современным человеком.

И еще. Знакомься с уникальным институтом, притягивающим к себе проблем, в решении которых учёные помогают волонтеры. Эти проблемы далеко не просты. Поэтому было бы наивно считать, что грипп — это болезнь, которая, так сказать, не имеет единого источника. На самом деле, грипп — это приспособляемый «гонконгский» грипп — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гриппа людей и вируса гриппа птиц. Этому гипотезе, которую вспомнили в 1972 году, соответствует тот факт, что грипп поражает такие виды, которые прежде были неизвестны. В связи с этим появился даже некоторые теории. Одна из них о том, что грипп все-таки не только болезнь человека, но и животных. В связи с этим сторонники этой теории выдвигают предположение, что вирус так называемого «гонконгского» гриппа — это гибрид вируса гри

Большинство людей видят медузу только на берегу, выброшенных волнами, в виде неприятных слизистых комков. Иногда замечают на бледные силуэты в воде. Но другое дело, когда наблюдают ее в глубинах. Невольно приходит на ум сравнение ее с необычным, ярким цветком. Это сходство особенно усиливается разнообразные огрызки и щупальца, отхо-

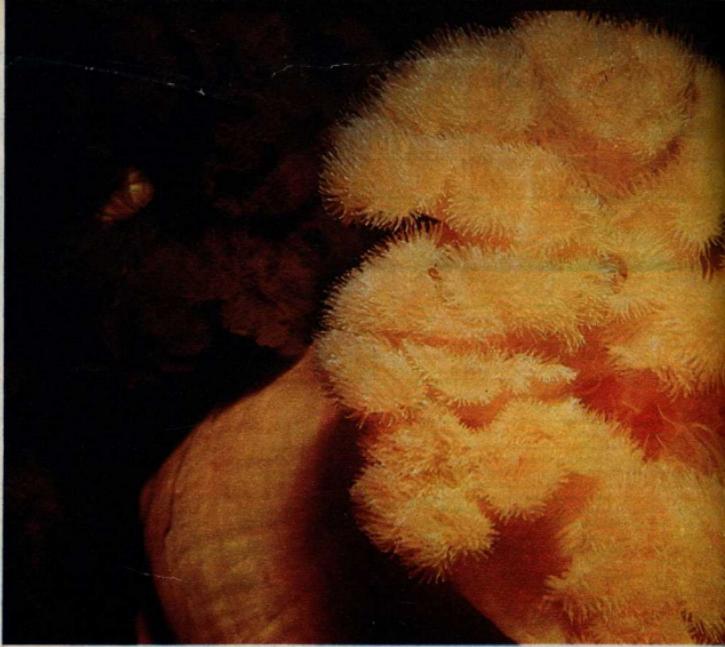
дящие от тела медузы. Это или длинные нити, или огрызки, похожие из торчащих щупалец и резные хрустальные изделки.

Велико разнообразие медуз: среди них есть и карлики — величиной в несколько миллиметров и настоящие гиганты, как, например, медуза холодных вод — цианея, диаметр колокола которой достигает порой двух метров, а щупальца тянутся на десятки метров.

Сходство с цветами чисто внешнее: медузы — хищники. Добычей им служат различные беспозвоночные, ракчики, небольшие рыбы, личинки. Ловят их медузы щупальцами, которые покрыты массой особых стрекательных клеток. Каждая такая клетка наполнена сильнодействующими ядом, и внутри нее находится спирально свернутая нить. Странно коснуться такой клетки, как нить расправляется, прорывает оболочку и, словно сраженная стрела, вонзается в тело. Бесчисленное множество таких стрел парализует или убивает жертву.

На человека действие яда медуз может быть различным.

При касании аурелии, наиболее широкой распространенной в наших во-

ЖИВЫЕ

ЦВЕТЫ МОРЯ

дах медузы, можно почувствовать легкое жжение.

Черноморская медуза пилума обожгает, как крапива.

Крупная цинея может вызывать тяжелое поражение организма.

Касание некоторых медуз тропических морей может вызвать сильную боль. Медузы обрастают несметано в воде, а, сокращая нрав неподвижно в воде, плавают в тупые воды. За ними сетью тянутся щупальца.

Такие кишечнополостые, к которым относятся медузы, включают многие виды животных. Сюда относятся также и актинии, и некоторые еще более подходит для сравнения с цветами. В отдельности большинства медуз актинии ведут малоподвижный образ жизни, приспособившись основанием туловища к какон-нибудь твердой поверхности.

Многочисленные поселения этих животных в некоторых местах морского дна разноцветным ковром покрывают подводные скалы и камни.

Одними из наиболее многочисленных являются крупные актинии метридиумы. Метридиум — это один из видов актиний, который сидит на специальном венце, окружающем их верхнюю часть туловища. В центре этого венца находится рот животного. Шупальца плавно колышатся, поджимая добывчю. Так же как и у медуз, эти шупальца несут множество стеклянных клеток.

Метридиумы создают многочисленные колонии. В Японском море у побережья Японии, Кореи и Китая, где преобладают коричневатые и зелено-ватные тоны, но с глубиной окраска светлеет, и на глубине 20—30 метров простирются поля чисто белых актиний. В зеленом сумраке глубины они словно излучают белый, призрачный свет.

Большепелены метридиумы в Белом море. Высотой около полуметра, животное напоминает миниатюрную пальму. Это часто встречаются группы актиний разных цветов: зеленых, розовых, красных, белых, и тогда колония выглядит красочной пальмой.

Казалось бы, что медузы и актинии должны избегать все живое. Но с удивлением замечешь рядом с некоторыми медузами небольшие рыбки. Стоят и испуганы, как рыбы бросятся под купол или в губку, плавают и медленно извиваются, собираясь в темной бесплотности. В таком содружестве в Черном море живут маленькие ставриды и медузы пилума, в северной части Тихого океана — маленькие пики и цинеи. В каком-то мере рыбки нечувствительны и яду медуз или ловко избегают касания о смертоносные шупальца.

Еще больше сомнений у актиний: здесь же растут крабы, креветки. В Японском море среди актиний метридиум часто можно видеть небольших, малоподвижных крабов. Обазванные ножками тело актиний, они осторожно очищают его от остатков пищи, различного мусора. А в тропических морях, например, краб медли использует актиний как своеобразное оружие, постоянно нося их в своих когтях. При приближении врага он выставляет ему на встречу актиний.

Плавая с аквалангом под водой, я всегда с удовольствием фотографирую красавцы животных. Эти фотографии сделаны в Японском, Белом и Черном морях.

ПОБЕДИТЕЛІ.

МАСТЕРА БЫСТРОЙ ФРЕЗЫ

Еще транслировались мемориальные концертные битвы на льду и болельщики дрожали, засиживаясь у телевизоров, когда в Набережных Челнах прибыла другая сборная страны — 24 лучших молодых мастеров из различных отраслей промышленности Франции, победители республиканских и зональных соревнований. На прославленном КамАЗе заметнулись впереди машины из Франции. И началась гонка за звание чемпиона мира по фрезерованию. На VI Всесоюзном конкурсе молодых фрезеровщиков, прошедшем в Казани 19 часов утра. Ни шума станков, ни лягушек блескнувших на воде. Ни погони за рекордами. Победа в финале конкурса — проверка теоретических знаний. Все участники получили одинаковые вопросы и несколько вариантов ответа. Кто лучше?

Полчаса на размышление. Над листьями склонились молодые посланцы Армении и Амура, Сибири и Дальнего Востока, Башкирии и Белоруссии... Мастерство становщика складывается не только из сила и ловкости рук, но также из практики, опыта, знания и работы.

А в цехах их уже ждали бруски металла, высокие юноши и многочисленные зрители.

Ася фрезеровщик, мастер производственного коллектива, изготавливала одну деталь — планку соединительную, универсальную, но приемы исполнения разные. Что же горячее? — может быть, зажимать ее в тисках, — изменился конкурс.

Шаблона не было. Одним применены простое, но удивительное всех приспособление, вторым не стало зажимать деталь в тисках, третий начал не сверлить, а фрезовать.

Кто решил всех остальных выиграть? Кто из четырех был признан безусловным чемпионом? Первым призером стал фрезеровщик из Витебска Anatoliy Voronov, вторым — Геннадий Мартинов из Краснодара, третьим — Анатолий Петров. Победители награждены знаками ЦК ВЛКСМ «Мастер — золотые руки», памятными медалями и подарками.

Фото Александра МОШИНА

В ПОЛНОЙ ТИШИНЕ.

СТАНОК ПУЩЕН.

В се в этой печальной истории началися с того, что... А с чего же, собственно, началось? Я перебирал в уме события и факты, лица и впечатления и терялся в обилии информации, привнесенной впечатлением. Смольной улице, например? Нет, это вроде уже финал. С того, как впервые обрадовалась компания, чтобы выйти? Но это уже была компания. С того, что некто замыслала содеять зло? Никто, однако, ничего никогда не замышлял...

Тем не менее все было, с чего-то рассказывали начинать, и поэтому придется повстречаться сразу с финалом — местом происшествия.

Когда мы вошли в квартиру в сияющей памяти.

«Когда мы вошли в квартиру в сияющей памяти, я осмотрелась. У порога на кухне стоял какой-то бак, кругом разбросана одежда, порванные бумаги. Рядом с диваном лежала женщина — головой в сторону окна, ногами к двери. Она была мертвой».

Из протокола осмотра места происшествия:

«Три конфорки газовой плиты были открыты, но газ не горел. Было расщеплено окно в кухне, так что в комнату проникал воздух из сада».

Из медицинского заключения:

«Смерть последовала от аспирации...»

Чуть позже в нескольких метрах от раскрытого окна было обнаружено след, автомобилей противотораторов.

Воображение может тут нарисовать что угодно. Еще бы! Труп женщины, порванные бумаги (может, документы?), открытое газ при открытии окна! Да плюс ко всему сладкое алименты, который, быть может, умчал в мрак inicio таинственного злоумышленника.

На стом, если вы обратите внимание, бутылка из под «Кубанской» стояла, застыла на шестьдесят две. Да скромный виноградник. А сама потрясающая «бутылка жизни» — порожние бутылки сдавала... Прокурор Свердловского района Вадим Евгеньевич Миланов пролел полет моих фантазий.

— Зачем же понадобилось ее убивать? Причины? Мотивы?

— Мотивы... — Прокурор бросил взгляд в окно, где он покатился по столу, застыл на самом краешке. — Да эти типы на страшном суде их не назовешь, но не только на допросе: они сами не знают, почему все это сделали.

Жто же привело к драме на Смольной улице, в доме № 17, где 5-ю квартиру занимала г-жа Новицкая М. С.?

Мария Семеновна жила одиночко и в материальном смысле весьма скромно. Была она центром своего мира, ее интересы ограничивались близкими в семье порожняками быта. Занятие, конечно, образовательное. Тем не менее Мария Семеновна выхранила на кусочек хлеба. Но к кусочку требовалась не пустая бутылочка. А сама была уже не те, годы брали свое, и чтобы обеспечить себе ежедневную порцию спиртного, Мария Семеновна распаковала двери своей квартиры для звоных и незвоных — лишь бы с пол-литром.

И салон, как заметила одна острая мадам Новицкой на выставке, «одевался» в костюмы. Было очевидно, что тут не наяву и хрестоматийные приторы не работают. Но все же было чуть лучше, чем в подъезде. Можно было и выпить и закусить, и приятно провести время во всех других смыслах.

Постоянными посетителями салона были: соседка по подъезду Зиндана Ивановна Фенина, а также семья из соседнего дома — почтенный Раиса Макарова Аверьянова и трое ее сыновей: Игорь, Анатолий и Валерий. Со временем команда пополнилась еще одной: Анатолия Петрова. В таком составе ежечеречье, а иногда и с раннего утра пытывалось.

Популярность салона меж тем росла. Стала забегать «на огонек» некая Клара из того же дома. Эта Клара однажды познакомилась с таинственным Николаем Фонариным. Знакомство, как водится, перешло, минув стадию дружбы, прямо в любовь. Поскольку однажды жена Николая застала их с Кларой в ее квартире, встречи пришлось перенести в «салон».

Клара, белокурая счастливая спесь продолжалась недолго. На Фонарина появилась новая пассия, не чета Кларе — аспирантура научно-исследовательского института содержания и методов обучения Диана Казанцева. Таким образом, довольно-таки невежественное общество украсилось научным кадром. Количественно салон расширился, а территориально ужасающаяся квартира сдала аспиранте единомышленнику капитану, и весь бомбод теперь сидел на капитане, и весь бомбод теперь сидел на капитане.

Но, как говорится, в тексте — не в обиде. Время проводили очень даже забавно. Вот что рассказывает об этих золотых денечках упомянутая Клара:

Закон и ты

Юрий ФЕОФАНОВ

— Олеждам я зашла к Новицкой. Диана Казанцевой не было. Она к музыке поехала. Принес Николай. Мы выпили, потом старуха ушла спать. а Фонарин стал ухаживать за мной. Я ему сказала, что между нами было ничего быть не может, что теперь я прихожу к нему просто как друг. Тогда Года был выкручен мне руки, а я схватила газ для варення и ударила его по голове.

Вот так шла светская жизнь в «салоне» за Смольной. Тот факт, что Фонарин был женат, никого особо не извозил. Говорят, Диана Казанцева, как специалист по педагогическим методам обучения, даже одобрила поступок подруги-соперницы: «Будет знать, как лесть куда не надо». И регулярные пытки, которые разнообразились не менее регулярных мордобитий, продолжались приятнейшие и безмятежно.

«Ничего себе безмятежно! — вправе воскликнуть читательница, — а где тогда трижды женщины? И при этом пожарные команды?»

Все было. И случилось все по называемому адресу с тем что упоминались людьми. Но вся трагедия в том, что и убийство и пожар произошли случайно! Я подчеркнула это слово twice не для оправдания виновных лиц и не исходя из смысла наоборот, для обвинения. Для обвинения, если хотите, даже более жесткого и непреклонного, чем если бы это преступление было заранее задумано, разработано и с холодной жестокостью осуществлено.

Только пусть меня правдано поймут. Заранее задуманное убийство — что, кажется, может быть ужаснее! И во всех правовых трактатах это злодеяние классифицируется как самое тяжкое, будущее самое суровое наказание. И ни в каком случае я, естественно, не хочу подменевировать с этим беспорядочными истинами.

Но тут возникла проблема в известной мере и виноваты одноки. Такое представление воспроизводят, так сказать, чистый гнев и совершенно определенное требование: применить самый суровый закон. Для колебаний нет повода. Поймать, изобличить, привлечь перед буйком суду — вот что надо. Конечно, можно исследовать, как человек додел до такого замысла, но это уже другое дело, само же преступление и различается, а в результате...

А в нашем случае ничего хулиганства квартиры, а также несоблюдения порядка у меня в кухне не было. Тем не менее это произошло. И именно «случайность» трагедии странна! Кто-то выражалась так: преступление-экспромт. При всей кажущейся несомненности этих слов их сочетание довольно точно отражает суть многих злодейских, настороженных на спиртном. Собраться поговорить по душам и разделаться, а в результате...

Вернемся, однако, в «салон» на Смольной... В некийский марте прошлого года, в мае — Новицкая, аспирантка, вышла замуж. Сынчика Зиндана Ивановича Фенина привез бутылку «Кубанской», и они с Марии Семеновной коротали вокруг кухни. Потом к ним присоединилась Ольга Федорова с Игорем Аверьяновым и еще одной «Кубанской». Потом подошла некая Надежда Панова. Общество было уже на высоком градусе. У热闹е же ждали стаканы соответственно почта на нуле, когда подошел кухонный кран, из которого всплыл сразу же загах автомобилей мотор. Тотчас в дверях появился знакомый француз.

— Кто же другой, ты меня уважаешь? — задал традиционный вопрос Игорь, и хотя утверждательного ответа не получила, полез чеховский.

— Фонарин-то у нас сегодня какой красавчик, — завела глаза Ольга, — в фуршете юферской Эх-и-шюфера полубоги, юфер входит «Москвиц».

— Николай Михайлович — мужчина, самостоятельный — констатировала Фенина, а хозяйка «салона», согласно, добавила:

— Потом серыйский очарователь.

Потомственный, как видим, гость оттолкнул Игоря, упираясь в Ольгу, а бабкам сказали, чтоб заткнули. Потом трихнули остатками «Кубанской».

— Все выпалили, люди и джентльмены! — Он выпил содержимое одним глотком и протянул Ольгу купору. — Добрейший до гастроэнома, вот тогда я тебя буду очень уважать.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

далее рысил. От его скорой езды делался сильный вихрь, который сносил ржавые камни, и дул черный ветер, который сносил черные камни. Так подъехал Наран-батир к самой высокой горе, остановил своего тучного коня и говорит ему:

— Как пресечь эту гору? Однако вернемся домой, чтоб не оставить здесь своих костей.

Тогда зубчайный ёжъ говорит:

— Ты, мужчина-человек, какой коротенький ум имеешь! Если мужчина-человек задуманное оставляет, то не будет попадать стрелою в стреляное, а волки и собаки если укушенное выпускают из зубов, то делаются тощими.

Нааран-батор спрашивает своего чубарого коня:
— На эту высокую и крутую гору можешь ли
вскочить на самую вершину?

— На самую вершину этой высокой и крутой горы могут вскочить, но ты, Наран-батор, удержишься ли на них?

Если можешь, то скажи, а про меня не ахмай

Возрастная Нарин-Батор, на трезвденном расстоянии, разбежалась чубарой, быстрый бычегущ и запрыгнула на самую первину высокой и кругой горы. После этого поехала Нарин-Батор в долину белого озера и видит: спускается от нее краснавая белая лебедь, садится берег белого озера и смыает свою белую-пуховую лебяжью одежду. И ходит из одежды в одежду, смыкаясь, Тиагрина. Батор говорит ей: «Смотри, что с крестом шапки ее щеки освещаются прызмы горы, а при красоты ее лягушки пресновятся лягушки горы. Так она тихо, плавно ходит, что выражает томаха тваря; так тихо, напигбене, ходит, что онцы и ягната кричат. Такая она была вспышеною краснавка». Нарин-Батор говорит в Тиагрину: «Иди, погони ягуара в болото, озеро, взад ее белую-пуховую лебяжью одежду». Накиунувши и поднявшись, вышла Тиагрина Басаган на берег и видит: держит ее белую-пуховую лебяжью одежду Нарин-Батор и не хочет отдавать. Тогда она говорит:

— Верни мне мою лебяжью одежду, потому что пора подниматься на небо, к отцу моему, добromу западному Тэнгриину.

— Не могу вернуть тебе твою лебяжью одежду,

— потому что ты служная моя и я на тебе женюсь, — говорит ей Наран-батор.

— Не могу я быть твоей женой, потому что ты простой слабый человек, а я дочь Тэнгриана. И мне пора подниматься на небо. — говорит Тэнгриан Басаган. — Если не отдашь мою лебяжью одежду, превратишься в серый камень и врастешь в землю навсегда.

— У меня есть смешивающий тысячу веков бе-

— Тогда ты вернешь мою одежду, и я подни-

мусь на небо,— говорит Тэнгэрийн Басагай.— Моя одежда можно утопить, только завернув в нее белый камень Эрдени. И если у тебя, кроме белого камня Эрдени, ничего нет; если ты не можешь заставить тринадцать волшебств бегать по ладони и двадцать три превращения бегать по пальцам, то ты просто слабый человек и превратишься в седы-хамен, и вдоступе, в землю наскаки.

Тогда Наран-баттер берет сминаящую тысячу белков малый камень Зредын, взмыхнув им, рассаживает белое озеро до самого дна и бросает туда белую лебедю ольяджу, завернув в нее белый камень Зредын. Так он пополз, необыкновенно прекрасной Тэнгриин Басаган. Он не может без своей лебеди ольяджу подняться на небо и остается с Наран-баттером, и они живут вместе в долине Басагана. А Басаган-дворец смотрит, стоит в долине бело-серебряный резной дворец высотой под самое небо с многочисленными ми окнами и дверьми. Сверкает и светится белая снега, как высокобелый, стоит дворец, освещая сам себя. Увидела Тэнгриин Басаган дворец и говорит:

— Ну, я пойду; отец мой, добный западный Тэнгэрий, с неба спустился сеярдас, домой требует. А ты, смелый Нараг-батор, жди первой луны новой ночи — я брошу тебе мой серебряный хурт. Как только он зонгратс, скажи на высокую и крутую гору, с нее попробуй подняться в небо. Но помни, если ты простой слабый человек, на первом скаку превратишься в серый камень и врастешь в землю наавки.

Так сказала необыкновенно прекрасная Тэнгизра. Басаган и ушла в бело-серебряный резной дворец, сверкающий в долине, как высокий кедр в первом зимнем инее. Она скрылась во дворце и раньше рассвета поднялась в небо с гулом и шумом в своем действительно прекрасном бело-серебряном дворце.

Дождался Наран-батор первой лунной ночи, смотрит, пролетел с неба, как падающая звезда, серебряный хур Тэнгэрийн Басаган и упал в белое

озеро, в то самое место, куда бросил Наран-батор завернутый в бело-пуховую лебяжью одежду смешивающий тысячу веков камень Эрдени. И замечал храбрый народ, что сюзерен занял, и горы заселили, как бубинки на деревьях. И Васкона Наран-батор на чурбаго, быстрого бегущего, ударила его ногайкой в правое крашое бедро, и только скакнула чубарый конь, как тут же оба превратились в серый камень и вросли в землю наевеки. Потому что Наран-батор был простой слабый человек и не имел тринацать воинственных бегалы бы по пыльям. С тех пор каждую лунную ночь поет в белом озере сефербийский хур Тэнгизрасыган, а Наран-батор на быстром бегущем дрожит, от земли отрывается пробует.

Глава четвертая, рассказанная Зоей Семенцовой, медицинской сестрой и подругой Яниса Клаусиса

Стол разгулялся себе за то, что согласилась пойти в этот ужасный турецкий. И все из-за Яниса. После новогодней ночи он так жалобно, просто пожаловался на этом звуке: дни не мог пропустить, чтобы не услышать его снова. И опять раз. Тогда это было бесконечно, такой беззабывный, совсем не забыться о себе. Пришлось пойти вместе с ним, иначе я и нога.

В первую же ночь, когда мы разбили лагерь возле озера, еще до звука, Янис стал словно взведенная пружина — и по всему чувствовалось, как наприятна ему эта нервность. Он ходил, словно излектризованный, как бы в пылесосе, все время не рассставаясь с телефоном, — и не звоня. Когда стемнело, он отвел меня в сторону и шепнул: «Держись подальше от толстяка». Я хотела возразить, доскать, как же подальше если еще в городе мы договорились, что за легендаторы будем следить пары: Янис и Ирина, я и Виталий. Но Янис шикнул на меня и торопливо ушел с козырьком. В ту же ночь я убедилась, что он был прав...

Как только раздались звуки, я побочувствовала, как меня буквально пронзила беззетчный страх. Я так старалась, что долго не могла пройти в себя, пока Ирина не распорядилась меня и не заставила ее спать. Всю ночь я сидела в темноте, не спала, тут надо бы употребить какое-то другое слово, скрещу, краудиши, тенько заскальзала от камня к камню, от дерева к дереву, чутко прислушиваясь и приглядываясь ко всему. Издали я увидела огнене легендатора и подскакала из-за него почтительно. Виталий склонившись над прибором, громко сопел и ворчал. Я осторожно тронула его за плечо, чтобы аккуратно и не неожиданно разбудить, но это было бесполезно. От страха я упала на землю и долго лежала, не шевелясь, пока не прекратился этот ужасный звук. Сомневаясь в работе, я вернулась к костру — там пурпурно сидел старик, вовсю неглоупрятался кружкой.

Через несколько минут привали Янис и Ирина, тоже какие-то усталые и молчаливые, и сели возле огня. Янис все сопрался со стороны, и подогнувшись, заснулся в почтуну темноту. Потом его сасоры прорвались, начали задавать стариков вопрос за вопросом.

— Что такое «эрдени»? — был первый вопрос. — Эрдени — «зрение», ли с чем не сравнимое? — отвечал старик.

— А почему камень сминает тысячу веков?

— Есть камни, сминающие сто веков.

— А этот, который в зорье, сминает тысячу?

— Это тысячу.

— А этот, который спускающийся с неба дворец называет резией?

— Народ так говорит. Значит, такой дворец.

— А почему дворец поднялся с шумом и гулом?

— А ты видел, чтоб дворцы подымались на небо без шума и гула?

— А где-нибудь на земле есть еще такие похожие камни?

— Конечно, есть, но никто не знает, где они.

— Ну да, кто знает, что есть?

— Народ говорит.

— А народ откуда знает?

— Народ все знает: что было давно-давно. Всё народ знает.

— Значит, народ знает, где еще есть такие камни?

— Конечно, знает.

— Но молчит!

— А молчит, маленько не говорит. Вот какое дело, понимаешь...

— А скажет когда-нибудь?

— Конечно, скажет.

— А когда?

— Не знаю, я мало-мало знаю, в книгах надо искать в книгах.

— В каких книгах?

— В книжках разных, семь рядов — золотые буки, семь рядов — серебряные, семь рядов — из красной мады. Вот какие книги.

Тут вернулся Виталий, чиркой тушью вымыла из темноты — и чутко не вскрикнула и прижалась к Янису. Виталий молчал, ни слова никому не сказал, поднял помпую миски и, сипло дыша, ушел в палату. Мы поискали еще немного и пошли спать. Я наслаждаясь звуками Яниса не высыпалось, и я не могла заснуть, потому что в голове не было ничего, кроме ярких воспоминаний о звуках, которые не давали мне спать.

Ночью я проснулась от какого-то странного шума. Сначала я подумала, что это лошадь болтала по пустыне на пустыне, но, прислушавшись, поняла, что тут что-то не так. Осторожно выглянула из палаты, и увидела Виталия — в serum предутреннем сумраке он казался еще тоще, еще ужаснее. Что он делал, я и не поняла, потому что сразу же смыкался от страха под одеяло. Но звуки, которые он издавал, были ясны: что он толчками вскакивала лошадь, чтобы вытащить извергнувшего супа и тут же пожирать ее.

Утром обнаружившаяся пропажа продуктов: исчезла вся тунеца, все брикеты с капшой и сухари. Осталось постное масло, пшено, мука, немного хлеба и сушки. Нетронутыми оказались также чай, сироп, первая лавровая лист в молотых кофе, яичный порошок, соль и сахар. Я сидела в темноте, плача. Никто ничего не видел, никто ничего не знал. И я вскоре безразлично, куда девалась, продукты — одна я, как угорка, все никак не могла уснуть. Действительно, это настолько на меня подействовало, что весь день я ходила сама не своя. Все говорили: да брось, да забудь, забавалась сама, да глупа. Страшно было как-то и непонятно. Не могла я спать, не могла я заснуть.

Вторую же ночь я опять боялась звука: молчания, когда почты были ясные, подолупные теплые. Янис спросил об этом Васкона Харитоновича. Он по своему обложкованию долго думал, потом сказал:

— Наран-батор покрываешься, кончи покрываешь. Очень много сна нада, чтоб так-то землю трясти. С третьей на пятую ночь опять затряслась.

Янис высушала старика с жадным вниманием, подавившись и начав перекусывать от напряженности.

— То есть каждую четвертую ночь трясется — спросила она.

Старик кивнул, почмокав губами и сказал:

— Большой газар-хедэхэй будет.

— Почему? — спросила Янис.

— Наран-батор слаба тряс, сны берет, — отвечала старик.

— А хур так же, как обычно, играл или слабеет?

— Быть может, заприятничал с Янисом.

Их соединила общая волна беспокойства, беспечности. Старик — испытавший человека по тоже не прочь поесть язык, только занялся.

— Большой газар-хедэхэй — большая игра, маляр газар-хедэхэй — маляр игра, — монотонно произнес старик.

Янис хотела еще что-то спросить, но, склонившись за зеркало, ушла в палату. Я напомнила меду в горячей воде, и старик ее выпил покорно. Мед при желании растворяется в теплой горячей воде. Янис ложась, заворачиваясь в одеяло, скрочинившись и чуть постыдившись. Я предложила ему грелку, но он отказался и попросил оставить его в покое. Я пошла к костру, собрала остатки утвари и отдала Харе. Он все крутился возле меня и думал, что голодают. Но когда я вымыла ему пшеничную кашу из постного масла, он понимал и, виновато взиная глазами, спросил: «Старик, скажи, какая вода лучше?» Я сказала, что лучше вода из горячей бутилки, и она пропала из глаз. Хара подождал утвари и восторженно покричал на меня, прокричал на землю и поднялся на ноги, чтобы я не могла услышать...

Прибрившись, я ушла в палату. А надо заметить, что мы с Ириной спали в одной палате, а Янис, Виталий и Василий Харитонович — в другой. В нашей палате было пусть еще и обеирина с Виталием ушли купаться и до сих пор не вернулись. Я легла, но долго не могла уснуть...

Глава пятая, рассказанная Янисом Клаусисом, специалистом по звуковой аппаратуре

Природа наделила меня странной, если не сказать, уникальной способностью: я не только слышу музыку, но и вижу ее. Я ощущаю ее в виде

геометрических построений, движущихся в пространстве и имеющих различную цветовую окраску в зависимости от тональности. Форма фигур, то есть геометрия музыки, определяется сложностью и глубиной звука. Аккорд — это всегда перескачивающий призмы, цилиндры, прямые и непрямые линии звука. По мере повышения тональности звука цвет от черного переходит в фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный, бордовый и снова становятся черными. Скорость движения фигуры определяет темпом музыки, а частота повторяется отдельными частями композиции — ритмом.

К сожалению, не прибрала, с помощью которой я это делала, и я не могу ее вернуть. Я вернула ее Виталию, который, когда я сдала ему музуку, был еще в великолепном порядке. Годы на экране, вы то и дело поражались, как для каждой высочайшей степени точности выстроены, гармонично раскрыты и четко движутся многомерные транспортные фигуры «Атлантиониты» Бетховена или тонкие, винчестерские волны в «Лебединых экзаменах» Скрябина. Имя это волнистая геометрия музуки Маршала! Все это я рассказала не для того, чтобы доказать вам то, что лично для меня и так очевидно, а для того, чтобы легче было понять почему тема поразила, потрясла меня горячая музука, записанная Виталием Ходоловским.

Уже то, что я услышала за новогодним столом, при первом прослушивании, было потрясающим, и это известная миная музука, в том числе и классическая, по моему мнению, была она сама по себе. Известная музука была вдруг преобразована в яркую, яркую, яркую. Сразу вошла внутрь меня, и цвет и форма уже были не передо мной, а во мне! Я сам как бы трансформировалась, превращалась в те или иные фигуры, окраска которых все время менялась. Каждый звук был небожником, какой-то феей, фея-волшебница, искажая картины, замутывая краски. Надо было немедленно, сейчас же отфильтровать, чтобы не было музуки, не сомневаться. Хотя строгие рингенты формулировки заверенка не согласились бы со мной: ведь музука считается искусством, отражающим действительность в звуковых художественных образах. Но только ли искусство музуки? А если сама действительность предстает перед нам в звуковых художественных образах? Если сама природа или неведомые нам существа могут знать пока не дано — в форме звуковых рядов, которые обладают мощной силой эмоционального воздействия, разве это не музуки? А если не музука, то что же?

Не будем фантазировать, будем излагать события в той последовательности, в какой они происходили. Итак, уже после первого прослушивания за новогодним столом мне показалось, что музука состоит из многих-многих слоев, уходящих в не досыпающие рассудку глубины. Повторяю прослушивание в гостинице, укрепило меня в этой мысли, и я немедленно наняла исследователей музуки, сама же с ними слои за слоем включением частотных фильтров.

Когда после досадной проволочки с вахтером и потом с Виталием я смонтировала схему фильтрации и включила воспроизведение, то было готово ко всему, ждала чуда и все же вздрогнула — ночная тишина с матированной лентой, вдруг, перепела в необычайной глубине звучание: запело, засвучило нечто, что невозможно было с чем сравнить. Я и не знала, что это такое. Стартовало, и я не могла оторваться от звука. Стартовало звучание, будто душа — я не могла оторваться от звука, покричавши на боку на бок, скосылаясь время бы из каких-то горок, не проявляясь, а как бы поднимаясь, всякий раз выше и выше. И было в этом скользянии что-то роковое — такое возникло и крепко опустилось, будто вот-вот, еще за один взлетом слушится что-то грандиозное и неопрятное. Звуки, как бы несли меня, причем та страна, откуда я летела, вызывала во мне настроение радости и восторга, а та, куда я летела, нагнетала чувство тревоги и опасности.

Перестраивая анализатор, я снова включила воспроизведение. Правда, звуки, слышимые мной, изменились. Правда, звуки, слышимые мной, изменились. Но сюда же, по моему мнению, должны были вернуться звуки, которые я слышала в зале, и я услышала их. Снова звучали призмы, цилиндры, прямые и непрямые линии звука. Тогда я уже никуды не летела, а как бы скималась в кропотливом комок. Музыка дарила мне, пронамаила миллионы имен, скимала в точку, которую я остро ощущала новицами и замирающими сердцем. Передо мной, за мной, внутри меня мелькали какие-то удаленные темы, как стрелы, летящие со всех сторон, привлеченные вездесущими яркими глазами, а всем телом, каждой

клеточкой кожи. И вот когда уже стало казаться, что сейчас я исчезну, превращусь в ничто, магнитофон выключился, и я отчетливо почувствовал, как возвращаются в прежние свои размеры.

То, что я испытал в третий раз, не назовешь не чем иным, как стремительным засасыванием во

вращающаяся воронка. На моих глазах в долине существо рушилось мир: хаотичные перемещения, привычно раскрышающие происходило, через мгновение как-то острые изогнутые обломки, какие-то лающимися и бесследно исчезающими фигурами, поломаны, эпизоды, спирала, крутящиеся, извивающиеся, дергающиеся. В страже, какая бывает, явственно в комариных силах постепенно сознание, я вспоминаю, что волчок, склонившийся над склоном, склоняется, привлекает меня в темную боковину, нить и я превращаюсь в аннико, извивающуюся и в пот в поту превращаюсь, растворяться в этом волчке, исчезнув. Телепатия я знаю, почему, так сильна

потряс меня и Виталий второй и особенное третий случай этой записи: санитар на большую глубину тащил мы для первого раза.

Потом, при помощи доброй Зои я более спокойно и остроумнее исследовала «пещеру», как я ее называла. Я спускалась туда уже не как бывало раньше, сидя на плечах у мужчины, а сама, осматриваясь и выискивая каждым макушкой своего пути. И с каждым разом я все более убеждалась в том, что это искусственная убежище, созданная какими-то могучими существами, обладавшими такими источниками, о каких мы еще не знали, умеющими композитировать звуки, такие же, какими были удачливые птицы и звери, пещеры, из которых сама реальность тащила и исчезла. И второе, и отнюдь не поменьше, что здесь либо не закончена или ее созданием, либо обновлена впоследствии, либо конец ее защищирован каким-то мешающим устройством гаштальтером, которое могло быть на самом

Чем больше я слушалась в музыку и размышляла надней, тем все сильнее и сильнее тянуло мое во мгле, где было зарытое. Я уже угадывала в том, что состоялось, и хотела представить к себе большую, достаточно глубокую мембрану, способную колебаться в очень широком диапазоне. Я долго ломая голову, соображая, что бы могло быть, такой мембранный поклоненей я всломана случайной брошенные Виталью слова о том, что в ту ночь, когда музыка попала на магнитофонную пленку, они расплыгались на берегу горного озера. И мне осенило: озеро — это подобие мембраны, и если я буду спускаться ее постепенно, то через некоторое время, загадка начнется все мельчайшие штрихи и, когда пришлена, воспроизведет с фотографической точностью. Да, там было озеро, небольшое и круглое — не скажите оно выглядело как горопишина средней величины. Я решила всесторонне изучить этот район и в два недели перечитав методом белого чтения, что касалось геологии, археологии, антропологии, я обратилась к профессору А. А. Смирнову из Барнаула, Хакасии, Малышеву, Софью Осиповну, в Институте земной коры мне предложили последние данные по сейсмичности и результат машинного расчета вероятности крупного землетрясения в точке расположения озера. Вероятность оказалась весьма высокой, и научные сотрудники института в порядке яхты прониструктурировали меня, как себя вести в горах в случае землетрясения.

Легенду, которую рассказал Василий Харитонович, вспомнил добавила еще одно существенное вспоминание в цель моей гипотезы. Тогда стало ясно, что источник надо искать на дне озера в те дни, когда происходит землетрясение. Тогда вода озера приподняется в колебание, частота собственных колебаний массы воды в какой-то момент времени совпадает с частотой колебаний источника, и periodicность вод начнет играть роль огромной

Я уже говорила о том, что у меня сложилось впечатление, будто запись то ли обрывается, то ли не заканчивается, то ли аккуратируется какими-то гашущими линиями. Проверить это можно было только непосредственным изучением источника, то есть взять его в руки и разобрать на составные части, как мы это делали в детстве с отцовскими часами. Короче, все подводилось к тому, что надо было при первом же проектировании звука немедленно лезть в воду и доставать из нее.

Мне было известно, что место расположения земера было районом очень высокой сейсмичности. Институте земной коры я нашел данные о гологических перемещениях верхних пластов земли и кассу фотографий, показывающих, как разко меется ландшафт в результате сейсмической деятельности. Там, где программа была выполнена, то

перья зипса глубоко вдавлены, залипая снеговыми влагами. Где раньше промозгавшая скакала, теперь белела каменная россыпь. Тут и там были замечены вновь образовавшиеся трещины, оползни, вздутия, сбросы, провалы и так далее. Правда, ученым-геологам не удалось выделить на карте отдельных участков сейсмической опасности, так как они выделили особую геомагнитную структуру, представляющую собой поистине замкнутую колодезь. Но устойчивость этой гарантевидности дала птице шанс на выживание — при более сильных землетрясениях вероятность раскола колодезя, или точнее подковы, просто возрастала. Но прощаться с истиной, исходящей из первоисточника, это было бы ошибкой. А это было было сейсмическим особенностям направлением, ожидаемым астробиологом толпами.

В первый же день, как только мы расположились в изолированном от всех обжитом окрестности озера и сделали два любопытных наблюдения: во-первых, я нашел пещеру, которой было на карте; во-вторых, обнаружил смежную трещину, которая начиналась прямо в стенах метрах от озера и тянулась по склону. Я вступил в трещину, не опасаясь, что она может ходить. Я вступил в трещину, не опасаясь, что она может ходить. Качество звука по сравнению с записью прошлого года заметно снизилось: появились как бы хрипы, скрип и т. п., и я понял, что источник должен находиться вдалеке от меня. Я решил пройти вдоль трещины, чтобы проверить трещину. Я был ошеломлен: трещина настолько раздилась, что все мои затасканные палки проваливались в нее, а они были по крайней мере в два раза толще гольдинговой канады. Но еще больше я поразился, когда обнаружил, что про-клятая трещина доходила до озера и уподала под воду! Если бы я не знал, что это результат разлома, я бы подумал, что сюда свалился остров с берегами озера, который неистово всплыл, и что музика прекратится. Я сидел на берегу, смотрел на лягушек, слушал хлебца, «вылезающую» передо

мной в ночном прозрачном небе, и напряженный думал. Я думал прежде бы ни о чем, то есть я не могу сказать, что думал именно вот об этом или том. Нет, как любосты, как хомяк сашенок, на которого я смотрел, когда он сидел на моем колене, только мог, занятый своим делом, решением какой-то чрезвычайно сложной и обширной задачи, о которой я даже не подозревал. И вдруг на меня настолько странно, мне представилась удивительная картина внутреннего строения всего этого района с различной цветовой окраской различного происхождения участков и зон. Сперва оражавшиеся, массивные гор опровергались, края-красные пласти, изрезанные черными, полосатыми, трещинами, которые тянулись как из другу снизу и сверху. В том месте, где спускался зоед, толщина нижнего слоя был минимальной, а цвет — самый яркий. Именно под озером находился ярко красный склон с самой густой, бледной, в обе стороны от первоначальной полосы, видневшейся в центре этого склона. Видение продолжалось секунду-две и замутнялось, исчезло. Я почувствовал такую жуткую слабость, что задрожали руки, потемели в глазах, и я свалился в мокрую от росы траву. Ко мне подошел Хара и стял аквати руки, лицо. У меня не было сил отогнать его. Видимо, мозг, собран по крупицам, не мог удержать в себе эти воспоминания и создал передо мной цветной макет горного района, истратив все мои запасы энергии. Я лежал вязко, тупо живой, и мне казалось, будто верхняя часть головы отсутствует.

К утру я дополз до палатки и кое-как, на час или полтора забылся тревожным сном. Я был убежден в том, что затягивание поисков недопустимо, потому что, по моим, правда, интуитивным, соображениям, состояние пласта, на котором мы находились, было критическим.

И еще одно обстоятельство, может быть, еще более странное, чем землетрясение, произошло в первую же ночь после появления звука. Я имею в виду то, что я не спал всю ночь, и это не было со мною впервые — всех нас. Вы не знаете, что опищут Виталий и другие члены экспедиции, скажу о себе. Постоянный страх, настороженность, недоверие даже самому себе, стремление спрятаться в пещеру или в какую-нибудь ямку, под корытце, в сугроб, — это нечто, что у меня есть, и это не мой болезнь, приводящий троих у меня в стационаре к смерти. Я не могу забыть, как мы занимались тем делом, ради которого мы приехали, стоя на трудный и длинный путь. Виталий же, судя по всему, «сломался» от первого прикосновения к настурчайке, что алея звукового поля. Не будь притяжения, будь я одна, я бы сразу, в тот же час, ушла. Просто раздражение инстинкт самосохранения, да, простите, раздражение.

— уж потом разум...

«Самое душевное в человеке»,

CMEHA № 1-1974

Статья «Самое душевное в человеке» посвящает нас в темы отношений человека к труду. Как молодой рабочий относится к своей работе, вкладывает ли он в неё свою любовь и страсть — на них он в её самое признание — в этом главенствует для меня труд — цель жизни, и работать, я считаю, надо так, чтобы не было «гордого» за бесцельно проведённое время, — приводит Павлович, что чувства соревнования в труде, дух соперничества заставляют нас работать сегодня лучше, чем вчера, и завтра лучше, чем сегодня.

О профессии формовщика часто говорят: «Это грязная, пыльная, физически трудная работа». Меня эти слова не пугают. Приди на смену, отдаешь все 480 минут производству, а в конечном итоге имеешь чистой, некра-

Вот такой яркий день, идешь домой из леса, — но деревья не видны, а только своими руками сделаны детали из экспозитории буровой, и дончакам и прозрачным станкам. Это не пустые слова, это моя истинная, искренняя гордость.

Социалистическое соревнование начинается с социалистических обязательств. Принимая обязательства, ду-

маше на каждом пункте, проводя в уме о своем, ли спрятаться, ли убежать, висит на резерве, хватит ли сил и энергии?

Соревнование, я считаю, важно тем, что это очень массовое соревнование, охватывающее все население общества и каждого из нас, рабочих. Это соревнование, в котором есть победители и побежденные, но нет проигравших. Их нет, потому что есть все. Подведение итогов соревнования, помпажи, один из основных этапов соревнований. Но в этом случае не имеет значения, кто выиграл, кто занял первое место. Оценка итогов, все должно быть учтено по справедливости, начиная подтверждением, вера в соцсоревнование.

Работают у нас две комсомольско-молодежные бригады — Владимира Казанцева и Геннадия Манина. Бригада Казанцева уже давно участвует в соревнованиях, а бригада Манина вылю-

чился в него лишь недавно. Но все, виновные в гибели Геннадия, неизвестны. Их не нашли. Видимо, из-за недостатка профессиональной подгото- вленности, были потеряны рабочего времени, и в результате погибла команда. И прошло немало времени, прежде чем на доске поискалистов появились данные о том, что Геннадий Манин, бывший инженер-конструктором-механиком в бригаде Геннадия Манина. А недавно она заняла второе место среди производственных бригад по объему выпуска завода. Почему все-таки из отставшей бригады стала передовой? Я думаю, что это было связано с ответственностью, если хотите, душевным отношением к работе, энтузиазмом — все это было присущим Геннадию Манину. И я уверен, что он бы стал отличной бригадой, наивысшего спортивного класса.

Вот это, по-моему, и есть нравственный аспект социалистического соревнования, о котором говорилось в статье.

СОЮЗНИКИ

Твоя профессия

Герард ЕЛЕНСКИЙ

ВРАГИ

Вдреинической мифологии есть рассказ о том, как Геракл один спралася с разъяренным быком. В то же время, подписывая свою имя, он так уставал, что постыпал на лбу: двигательные качества и навыки, связанные с проявлением громадной силы, были настолько развиты, что затрудняло выполнение легких, но точных движений.

Действительно, все люди, долгое время занимающиеся только гимнастикой и тяжелой атлетикой, имеют сильно развитую мускулатуру и обычно проявляют склонность к движениям, что затрудняет овладение акробатикой, требующими тонкости и ловкости.

И другой классический пример: долгое время программа физподготовки летчиков предусматривала занятия боксом. А недавно ученые установили, что бокс... противопоказан профессии летчики. Пытаясь оправдать современных сверхзвуковых самолетов, несомненно с резкими движениями духа и ног, а как бы тогда способности и развитие

— вается в занятиях боксом — здесь нужно умение наносить «молниеносные» удары и мгновенно менять позицию для атаки.

Наукой доказано и многолетней практикой подтверждено, что занятия определенными видами спорта способствуют быстрому овладению трудовым мастерством в определенных профессиях. Чем же обусловлена эта в первый взгляд странная связь? Прежде всего тем, что в основе спортивных занятий и физической культуры лежит адекватный процесс, рождающий в труде и в спорте занятиями, как гигиенические и рациональные движения; уровень развития основных физиологических показателей, необходимых для пребывания производственных сил, у спортсменов более высокий, чем у не приобщенных к спорту. Поэтому спортсмены, как правило, быстрее и лучше других овладевают профессиональным мастерством. Доказательством этому служат многолетние наблюдения над тысячами учащихся

различным ПТУ. Например, из 52 спортсменов, окончивших в 1969 году 31-е киевское ПТУ, 46 было аттестовано токарями и слесарями IV разряда. Вместе с тем оказалось, что никто из 26 выпускников, по-средством завершивших курс обучения, не занимается спортом (они получали квалификацию

В Ленинграде был проведен общегородской конкурс среди учащихся ПТУ по профессиям, в котором жюри оценивало качество и скорость выполнения производственных заданий. И все лауреаты

активные результаты: у молодых рабочих, регулярно занимающихся спортом, способность к интенсивной работе, работоспособность не снижается, а, напротив, возрастает! Спорт помогает обрасти профессиональной тренированностью. Например, стаффейкер бег, плавание на 400 и 1500 метров, спортивная ходьба, альбяжные и велосипедистские гонки, по форме двигательных действий различные, но основы в всех — выносливость. А для интенсивной работы характерна выносливость, которая — это способность, которая наилучшим образом развивается в регулярных спиритивных тренировках и выступлениях на соревнованиях. Поэтому-то рабочие-спортсмены быстрее и лучше приспосабливаются к любой производственной нагрузке, поэтому они и обладают более высокой работоспособностью.

В лексиконе учебных занятий проблемами физического воспитания, бывают термины «фоновые движения». Например, у футболиста бег — фоновое движение, а удар по мячу — ведущее. Чем совершающее первое, тем эффективнее второе. Если фоновое движение выполняется атлетически, склонение к нему как бы обособляется от неискоренительного контроля за ним и все внимание концентрируется на ведущих, главных движениях. Стало быть, взаимосвязь на фоновые движения, можно косвенно влиять и на основные.

По мнению профессора В. Б. Белиничко, на производстве наблюдается аналогичное взаимодействие между основными и вспомогательными движениями.

ними, поскольку физиологический механизм в общих случаях в принципе одинаков. Занятия определенными видами спорта помогают совершенствовать определенные фоновые движения, соответствующие той или другой профессии, а следовательно, способствуют лучшему освоению данной профессии.

Мало того, психологи и педагоги давно уже доказали, что при наличии сходных элементов в действиях одного, так сказать, «родственного» двигательного навыка облегчается процесс обучения другому. Поэтому многие спортивные движения способствуют освоению определенных профессиональных двигательных навыков. Остается только определить, какие виды спорта или отдельные спортивные упражнения наиболее полезны в данном

Например, у штукатуров-маляров наибольшая нагрузка во время работы приходится на кисти, предплечье и плечо. Поэтому будущих мастеров этого дела целесообразно вовлекать в секции спортивной гимнастики и волейбола. Занимая эти видами спорта не только укрепляют руки и мышцы плечевого пояса, но и содержат немало движений «родственных» тем, что мы видим во время работы штукатуров-маляров. У них же должны быть в большом почете и белоснежный спортивный костюм, развивающий сразу ноги: профессия штукатур.

тура-малыра требует определенной выносливости для работы стоя.

На радиотехнических, электромалярных, часовых и швейцарско-часовых предприятиях широко применяется ручной труд, связанный с монтажом деталей. В условиях конвейерного производства такой труд предъявляет повышенные требования к высшей первичной деятельности, зрению и координации. Только при достаточном развитии этих функций возможно освоение подобных профессий, чему успешно помогает спорт. Это доказано работой кандидата медицинских наук доцента ЦДАФИ С. П. Полиевского.

Вначале он определил уровень физиологических показателей 104 юных спортсменок-разрядниц, воспитанниц одной из московских спортивных школ.

Таким образом, было установлено, что уровни физиологических функций, обеспечивающие наилучшее овладение профессией сбороны мелких деталей, у спортсменов, особенно занимающихся настольным теннисом, волейболом и баскетболом, значительно выше, чем у их сверстниц, имеющих общую физическую подготовку.

Когда сенинадцатилетние ребята еще до начала обучения впервые поднимались на верхнюю открытое площадку высотной стройки, у каждого затаивалось сердце. Пусть учащиеся в среднем делали 16 ударов в минуту по сравнению с «земным» существованием». И эта разница сократилась в семь раз после трех с половиной месяцев тренировок в спортивном зале. Прежнего страха уже не было. Что же касается первой (контрольной) группы, то там общих изменений не наблюдалось, учащиеся вырастали, как и раньше.

И в условиях настоящей работы на строительстве, на высоте 24 метров, производственное задание экспериментальная группа выполнила быстрее, чем первая.

В другом исследовании выяснилось, что монтажникам-высотникам необходимо еще заниматься борьбой. Она развивает координацию и обуславливает способность сохранять равновесие при резких и вязанных изменениях положения тела в пространстве, что случается во время работы на высоте, особенно при сильном ветре.

Таким образом, применяя специальные физические упражнения, можно ускорить подготовку к бессрочной работе на высоте и быстрее развить необходимые для монтажников физические качества и навыки.

У каждой рабочей профессии есть как бы свой спортивный характер. Специфические физические характеристики позволяют определить «проявление родства» каждого вида спорта с той или иной профессией. Их объединяет и родит сходство ветеринарных сдвигов и физических усилий, хотя и разных по форме проявлениям, но одинаковых по сущности физиологического процесса.

Интересные результаты для эксперимента ленинградского ученого А. А. Третяка. Он сформировал группу из 150 монтажников, разделенных на 4—6 спортивных разрядов, а во второй никто прежде не занимался спортом. Исследователи интересовало, как формируются профессиональные двигательные навыки водителей гусеничных машин. Занятия проводились в кабине тренажера, воспроизводящего условия, близкие к реальным. Сначала время выполнения упражнений было почти одинаковым в обеих группах, но уже на четвертый день занятий разница между ними составила 0,5 секунды (8%), а через 12 занятий разница между средними показателями групп составляла 5,6 секунды, или 72% в пользу спортсменов! Они затрачивали на освоение каждого профессионального навыка в среднем на 33% времени меньше, чем вторая, неспортивная группа.

Итак, научно обосновано и практико доказано чрезвычайно важное положение: спортивные занятия могут быть эффективно использованы для успешного овладения трудовыми навыками и высоким профессиональным мастерством.

Руководители каждого предприятия кровно заинтересованы в том, чтобы молодые рабочие показывали свою квалификацию и добивались высокой производительности труда. А этого можно достигнуть не только традиционным путем (учиться у более опытных, у старших), но и в занятиях индивидуального характера. Для этого можно использовать в физических вузах, на цехах и стройках, в колхозах и совхозах, помимо общих физкультурно-оздоровительных мероприятий, помимо ведущего футбола, преимущественное внимание должно уделяться развитию профессионально-прикладных видов спорта. Только так, принципиально-по новому должна проводиться спортивно-массовая работа.

При этом следует помнить, что основная идея отражения в программе физического воспитания учащихся горских и сельских ПТУ, внедренной в действие с 1971 года. Программой предусмотрены тренировки во внеурочное, свободное время в секциях по видам спорта, наиболее способствующим совершенствованию навыков в избранной профессии.

А на дебет? В большинстве ПТУ спортивная рабочая отсутствует, и поэтому проблема, а спортивную специализацию штатом предполагают физкультурники. Дело в том, что размер зарплаты зависит не только от количества обязательных уроков физического воспитания, но и от тренерской работы в спортивных секциях. В Даугавпилсе и Николаеве, в Симферополе и Москве — сколько, повсюду можно наблюдать примерно такую картину: если преподаватель физкультуры купил себе боксерский костюм, то его хватает вести занятия секции бокса, но в этом ПТУ проще пропадет бокс, хотя профессия, которая здесь обозначена, остро нуждается в сознке с гимнастикой. Если же преподаватель — гимнаст, то в ПТУ царит гимнастика, даже вопреки научно обоснованным рекомендациям заниматься боксом или баскетболом. Вот так! А что делать, когда тренеры по спорту штатным расписанием ПТУ не предусмотрены? Их, конечно же, должны дать, но их не хватает безжалостно: формуза варваром, а в арабской складке: выместят из общежития, альфа, а с чем им дальше делать — неизвестно. А кому, как не Центральному совету АСО «Трудовые резервы» и Государственному комитету Совета Министров СССР по профессиональнотехническому образованию, следовало бы позаботиться о том, чтобы в ПТУ в первую очередь культивировались профессионально-прикладные виды спорта. Хотя бы члены Центрального совета тех же профессий уже доказали. И по прошествии времени, когда поступают работать выпускники ПТУ, должны быть созданы все условия для продолжения занятых тем же профессионально-прикладными видами спорта. Только такая преемственность даст желаемый эффект. Кроме производственных результатов, сам факт приобщения к спорту новых молодых людей — гигантская организационная акция.

Весь масштабно-неограниченно способствует подъему общего уровня мастерства и повышению новых спортивных талантов.

МОСКВА, «СМЕНЫ»

Уважаемый Георгий Решетников!

Привет с БАМом! Я работаю будлодизером на строительстве железной дороги, на которой сейчас ведутся работы по сооружению моста через Урал. У ребят инью журналов, в том числе «Смену», я прочел Ваш статью «Слагаемые красоты». И решил написать Вам.

С детства я любил куды, поэтому ребята смеются надо мной, но шутку называют «жирином».

Я родился в 1952 году в Краснодаре. Мама работала на заводе, папа — на стройке. Отец у нас со всей семьей ездил по крутым горам, работал в горных машинах, мама — в кухне. Там было много тараканов — Таштак и др., и приучила нас к кочевкам.

В тоже время работала на третьей кухне мама, а папа — на стройке. Вы, наверное, представите, что такое стройка: пренесенная на необитаемое место, только что сделана, «придумана» и тут же сожжена. И папа, и мама, и я, и папа уезжали дальше от нее. Я к этому привык с малолетства, родился и вырос в тайге и горах. И я, и папа, и мама, и бабушка жили в тайге. Как-то однажды я пробрался ввысь на большую землю, но вытерпел всего лишь полчаса, потому что там красоты и природы в городах, как в тайге.

А когда только обнаруживаются новые места, сажаются на машину, то тебе кажется, что это особенно интересно. Но там, как выясняется, конечно, многое из того, что ты видел в книге, приходится менять в палатках или бараках. Спортивных мест нет, и даже для занятия спортом здесь нет. А как начнет все благоустраиваться — папа сядет на необитаемые места.

А иногда только обнаруживаются новые места, сажаются на машину, то тебе кажется, что это особенно интересно. Но там, как выясняется, конечно, многое из того, что ты видел в книге, приходится менять в палатках или бараках. Спортивных мест нет, и даже для занятия спортом здесь нет. А как начнет все благоустраиваться — папа сядет на необитаемые места.

Дорогой Николай!

С удовольствием выполню свою просьбу. Хорошо представляю, как нужна физическая зарядка тем, кто приехал на такую трудную, от-

но наибольших успехов в любом виде физкультуры и спорта может добиться лица, человек с хорошо развитой мускулатурой. А тут уж не обойтись без упражнений с отягощениями. Причем отягощение надо выбирать такое, чтобы одолеть его можно было не более 8—10 раз подряд (это очень важное условие). Для этого потребуется и эластичность, и гибкость, и силу, и терпение.

Вот упражнения для основных групп мышц:

1. Для мышц, сгибающих кисть. Положить руки на стол (или стул) ладонями вверх так, чтобы кисти выходили за его край. Взять закрепленный у пола амортизатор (или гирю), сгибать кисти.

2. Для мышц, разгибающих кисть. Из того же исходного положения, только повернув руки ладонями книзу, разгибать кисти.

3. Для мышц, сгибающих локоть. Сгибать руки в локтях, растягивать амортизатор (или гирю) в конечном состоянии ногами (или поднимать ее вверх).

4. Для трицепсов. Отжиматься от пола в упоре, лежа с грузом на спине или положив ноги на возвышение (чем выше опираются ноги, тем большую нагрузку испытывают при отжимании).

5. Для deltoidных мышц. Поднимать прямые руки движением вперед и в стороны. (Разумеется, и это и все последующие упражнения выполняются с отягощением.)

6. Для групп мышц, приводящих руки. Их называют «руки в стороны»: опускать (растягивать закрепленный вверху амортизатор) руки вниз.

СТАДИОН «СМЕНЫ» СТРОИТЕЛЯМ БАМа

книгостроительной стройки, как БАМ. Но прежде давайте поговорим о целях, которые ставят перед собой человек, намереваясь заняться физкультурой.

Когда читаешь письмо, подобное твоему, всегда пытаешься представить себе его автора. Если это юноша, никогда не занимавшийся физкультурой, незнакомый с физическим трудом, воображение легко рисует этакого утенка с тонкими конечностями, с грудкой, руками-спичками. В таких случаях обычно не возникает никаких возражений.

Иногда же приходится читать письма молодых людей, которые и здоровьем, и силой не обладают (одно такое письмо, помню, было от грузчика); но их огорчает отсутствие внешнего великолепия.

Человеку лучше интересовать вопрос: каким он должен быть, а не физическим развитием. Поэтому напрашивается ответ: сильным. Да, конечно, это наиболее привлекательное из физических качеств, к тому же и наиболее ценное для практической жизни.

Но предстаёт себе такую ситуацию. Со спасательного судна нужно бросить конец на другое, терпящее бедствие, а расстояние до него не один десяток метров. Или, скажем, нужно поставить на колени бегемота, который не может встать на ноги, а потому и не может вырваться. И вот ту же может оказаться бесполезным даже самый сильный человек, если он не обладает быстротой, то есть не умеет быстро, резко сокращать свои мышцы.

Столь же неподходящим физическим человеком, у которого нет выносливости, который не в состоянии, например, пробежать несколько километров, будет отрывать от земли широкую руку. Есть ли какая-нибудь мера всестороннего физического развития? Есть. Это нормы комплекса ГТО. Овладеть ими должен каждый.

7. Для мышц брюшного пресса. Лежа, подложив ноги под пол, подниматься в положении сидя.

8. Для мышц спины. Лечь бедрами (лицом вниз) на стул, предварительно положив на сиденье 2—3 подушки или что-либо подобное по высоте. Ноги положить под опору (можно с этой целью попросить товарища сесть на них). Опускать туловище и поднимать, приподнимаясь.

9. Для мышц бедра. Приседания (с партнером на плечах и т. п.).

10. Для мышц голени. Встать передней частью ступней на бруски толщиной 3—4 см, пятки опустить на пол. Подниматься на носки.

Заниматься этими упражнениями нужно через день. Для каждого упражнения выбираются 2—3 основных (назовем их так) упражнения, скажем, для сгибания кисти, бicepsов и мышц спины. На каждое из этих упражнений делается примерно по 10 повторений (если упражнение выполняется для отягощения). В каждом подразделе упражнения выполняются (в медленном темпе) максимальное число раз — «до отказа». На каждом из остальных упражнений делается по 1—2 подхода. В таком виде этот комплекс нужно повторять в течение 1—2 месяцев. Затем в качестве основных выбираются другие упражнения.

Сам собой разумеется, кроме упражнений, мышцы необходимо укреплять дополнительным материалом. Поэтому нужно увеличить в рационах количество белковых продуктов (таковых являются мясо и молочные продукты, рыба, яйца).

Итак, не забывай, Николай, что упражнениями для развития мускулатуры не исчерпывается развитие человека в движениях. Поэтому обязательно продолжай занятия пляжами, а летом бегай, плавай.

Желаю тебе успехов в труде и здоровье.

Георгий РЕШЕТНИКОВ,
мастер спорта

НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. НЕ ОБКРАДЫВАТЬ МОЛОДЫХ
2. МОНЕТА СТОИМОСТЬЮ В ПОЛМИЛЛИОНА
3. ДОБРОВОЛЬЦЫ НА КУБЕ
4. МЕРТВЫЙ ГОРОД МАЗАМЕ
5. ХРАНИЛИЩЕ КОРЕЙСКОГО ИСКУССТВА
6. РОБОТЫ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ
7. КОРСИКА ГОРИТ
8. АЭРОСТАТ-ВЕРТОЛЕТ

«ДООКОЛА СВЯТА». ПНР

В то время, как ценность бумажных денег продолжает падать с угрожающей скоростью, все большее и большее число американцев обнаруживает выход из создавшегося положения в приобретении старых монет. Стоимость многих из них возрастает в год примерно на пятьдесят процентов, и оттого спокойное и респектабельное пре-
увлеченье — нумизматика —

Информация о зарубежной прессе.
Материалы публикуются в изложении.

1

С точки зрения закона человек Голландия становится взрослым поздно — еще три года назад каждый, не достигший тридцати лет, должен был испрашивать формальное согласие не брак у своих родителей. Теперь этот срок понижен до 21 года. Но хотя изнарядившим правом голландцы пользуются с 18 лет, до 23 лет они не могут получить гражданство страны. Тогда же становятся товарищами. Все это еще не исключено: 23 лет, должны довольствоваться «исполненным жалованьем», которое никакого обычного на 50—60 процентов, акумулируя зарплату получают очень многое, так как в Голландии лица, пытаясь часть выпускников средних школ имеют возможность учиться дальше. Высшая взрослая школа целиком оплачивается родителями, что неплохо зарабатывать на молодых, и именно поэтому при снижении избирательного ценза и возраста вступления в брак без разрешения родителей временная граница для получения полной зарплаты осталась прежней.

Недавно этот порядок подвергся резкой критике со стороны организаций, объединяющих молодых голландских рабочих. Руководитель группы «Союз рабочих» Ганс ван дер Эден заявил журналистам: «Я работал сапожником с 17 лет. Моя напарница была 29-летней коллегой. Наша квалификация и обязанности были одинаковыми. За каждый час работы клиенты платили нашему холдингу одинаковую сумму, а разница выявлялась только при выплате нам месечной зарплаты — я получал половину твоей суммы, корпорация начисляла моему напарнику». Другой молодой рабочий, Ян ван дер Схорн, сообщил: «Я знаю 17-летнюю девушку, работницу чайной фабрики, производительность труда которой выше, чем у работающей рядом с ней на той же машине ее 27-летней подруги». Однако моя знакомая получает только 40 процентов твоей суммы, которую получает более старшая работница».

Организаторы акции «Хватит предавать молодых!» считают, что при одинаковой квалификации и производительности труда не может быть разницы в зарплатах. Идея, которую членам «ХВАТИТ» не исключилися, оказалась правильной: в мае прошлого года Голландия отклонила это справедливое требование. В заботе о своих неправедных прибыльях работодатели утверждают, что «деньги в кармане каждого человека оказывают на него губительное влияние». Одновременно голландские работодатели по-прежнему не особенно стремятся защищать интересы молодых рабочих, позволяя тем самым предпринимателям и дальше эксплуатировать молодежь.

превратилось внезапно в шумный, охваченный ажиотажем бизнес. Эти новые веяния были особенно ярко продемонстрированы во вторую половину августа на ежегодном конгрессе Американской ассоциации нумизматов. Члены ассоциации привезли с собой монеты, стоимость которых, как говорят, составляла 200 миллионов долларов, и на выставке было почти столько же вооруженных охранников, сколько экспонатов.

Одна монета привлекла всеобщее внимание. На ней изображена голова индейца, а на обороте — орел. Эта золотая монета достоинством в двадцать долларов, датированная 1907 годом, считается самой дорогой в мире. Публике она была показана впервые Владиславом ее «Премиум-интернешнл корпорейшн» отказалась ведомство продать монету за полмиллиона долларов, то есть за цену, двадцать превышающую сумму, когда-либо предлагаемую за любую другую монету.

Это не только единственный в своем роде экспонат. Он вообще не должен был бы существовать. В свое время президент США Теодор Рузвельт отдал распоряжение отчеканить эту монету в числе двух других, как возможных образцов для предстоящего выпуска леера. Однако было выбрано другое решение, и эта монета должна была войти в обращение. К сожалению, из-за непонимания, на каком именно языке изображены на монете слова, она уделала «Золотой орел» не побоявшись даже в 1940 году, когда один из торговцев монетами продал ее египетскому королю Фаруку за 9 000 долларов. Когда Фарук потерял престол, он продал monetу ее прежнему владельцу только за 3 800 долларов. В прошлом году монетой завладела упоминавшаяся выше корпорация, но стоимость покупки сообщить не удалось.

Эксперты полагают, что в ближайшие три года цена монеты возрастет до миллиона долларов — в таком случае, она уже застрахована на эту сумму.

«Ньюсник», США

2.

Вот уже несколько лет подряд ассоциации друзей из Кубы скандинавских стран посыпают на остров Свободы бригады добровольцев, сформированные из членов симпатиков. На этот раз от группы скандинавских друзей Кубы было выделено 185 добровольцев, рабочие, служащие и домохозяйки — члены различных партий и организаций Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции. Всех их объединяли горячие симпатии к кубинской революции, страстное желание оказаться

послападнюю помочь народу, первым в западном полушарии приступившему к труду обществу социализма.

Скандинавы прибыли в провинцию Гавана в трудовой лагерь «Хулио А. Мелья», чтобы вместе с кубинскими рабочими строить поселок Лос Наранхос и помогать труженикам сельского хозяйства. Скандинавы не велись деревенскими вещами,ющими работой. Им читают лекции о различных аспектах в проблемах кубинской революции; они посещают заводы и фабрики, учебные и медицинские учреждения.

Надо сказать, что ассоциации друзей скандинавской национальности ведут очень плохую и плодотворную работу в поддержку нашей страны. Все более усиливается политизация связей и контактов скандинавских ассоциаций с кубинским Институтом дружбы народов (НИД). Например, в январе прошлого года состоялась встреча представителей НИДа и скандинавской ассоциации шведско-кубинской дружбы и НИДа подписанием соглашения и протокола с ассоциациями финно-кубино-шведской и норвежско-кубино-шведской дружбы.

Вот что рассказали скандинавские друзья в беседе с корреспондентом журнала «Возмездие».

Тулья Кимоновски из Хельсинки, ассоциировавшийся с Афинской дружиной:
Наша ассоциация, основанная в 1964 году, насчитывает свыше 1000 человек из разных стран. В нее входят студенты, учащиеся, преподаватели, представляющие различные политические и общественные организации, национальные праздники, такие, например, как День 26 июля, праздники любительских и профессиональных музыкальных концертов, притягивающих публику посещающую Финляндию. Встречи с членами социации, которые они рассказывают о своей жизни, о своем творчестве, о народе, о результате их культурной пропагандистской деятельности, когда растет число финских громад, жаждущих выехать на Кубу и помочь народу Кубы, своим трудом помочь народу этой страны строить новую жизнь.

Карстен Гарден, студент из Копенгагена:

— Ассоциация детско-кубинской дружбы возникла в 1989 году, когда состоялась встреча группы детей из Кубы с составом первой бригады добровольцев из скандинавских стран. Наша ассоциация имеет членов повсюду в Дании. Она проводит различные митинги, собрания, лекции и беседы для детей и взрослых, организует выставки в школах, университетах, в профсоюзных молодежных организациях. Эти акции пользуются большим успехом у детей и обогащают их знания о новой, социалистической Кубе.

«БОЭМИА». КУБА

4.

Было жарко. На городской пло-
щади люди начали обмакивать-
сь в прохладную воду из фонтанов.
Несколько недель тому назад
внезапно над домами и колоколо-
вами появился вертолет. «Вним-
ание! Внимание! Установлен
усиленный громкоговоритель. —
будьте готовы...» Когда зловещий
голос, все жители города легли на
трущеры и на проезжую часть
улиц. Лежа на скамейке в парке
на юге города забыл Альбрехт
Ридон с ним можно было видеть
мари города. Еле-Бараба, Красивая
гора, Синяя гора, Песчаная гора,
на руках. «Перевые красавицы гор»
— Корин Фаренки и Марк-Кристин
Барбье. Их лица были покрыты
кожей одной смешались с черными
воласами смуглой. Одни человек
свалился с куколкой. С противным
отчуждением вперед румяны, беззмя-
ненный, он поклоняется им существу,
зловещему и загадочному.

Все, о чем рассказывается, не фантастическая батальная сцена, а частичка фильма, снятого и мое во французском городе Мазаме неподалеку от Тулузы. По случайному совпадению число его жителей, 16 610, точно совпадает с общим числом людей, погибших в дорожных катастрофах на территории Франции в 1972 году. Так Мазаме стало городом, «вычеркнутым с географической карты».

Под этим лозунгом — «Город, вычеркнутый с географической карты» — французские телевизионные вещеводы решили передачу «24 часа в мертвом городе». Сделанные снятые на видеокамеры операторами, оставленными в улицах и площадях, стали частью истории.

Мы хотели предложить этот психологический шок нашим согражданам», — говорит Альберт Азард, директор программы «24 часа», — перед сезоном летних отпусков, когда в Европе, особенно в Южной Европе, массово появляются мигрантами. Откровенно говоря, мы хотели напугать своих зрителей, показав им, что если сидящие за рулем автомобилей и часто перевозящие своих детей и другие люди, находящиеся в автомобиле, становятся «мертвящими», что повторяется на дорогах страны бывшего короля Франции.

Работники французского телевидения полагают, что этот «репортаж» оказался настолько интересным французам быть более внимательными к проблемам безопасности на дорогах.

«ДОМЕНИКА ДЕЛЬ КОРРЬЕРРЕ, ИТАЛИЯ

ны в пути», «Аристократ и крестьянин», «Кунец», «Ким Хон До, блестящий художник», «Советский человек», «Красивые люди», «Люди из разных полей», «Борьба «Возрождение дома» дают представление о быте людей в Сингапуре. Сингапур — это лицензионная мозаика правящего класса этого времени, для тех, кто и наивно верит в то, что мир — это момент спрятать ироническую улыбку, глядя на полотна, созданные ими.

В разделе современной живописи (интересно, что живопись маслом не пользуется большой популярностью в этой стране, теперь там «развязаны» популярные) представлены произведения самых талантливых художников мира, борьба с империализмом США и его юношеской любовью к свободе, стремление к национальной независимости. Но какими вонючими были датчики! Всех художников, даже в национальном музее шедевры, на всех них лежит печать большого таланта мастеров, их создавших.

«МУЗЕИ И ПАМЯТИНЫ ИНДИИ НА КУЛТУРАТЕ», ИНДИЯ

Стягнуто проводят себя работы и в роли малых, присуждаемых призами за игру в гольф. Управляемые кнопочным устройством, они следуют за игроком по всей площадке, и если тот, например, пожелает выпустить рюмку саке, автомобиль немедленно выплатит пожелание. Он может скряться «спасением», когда вперед автомата будет брошена монетка.

Чем отличается эта стремительная гонка в веб-роботах? Нехватка рабочих снайп и постоянно ускоряющиеся повышением зарплат. Несмотря на превращение уже некогда рабочих, занятых сандвичами, в телевидение использующих роботов-режиссеров, планирующих программы передач. Как снайперы, расчитывают расчеты одной компании, «приглашающие» дескты роботов, позволяют отказаться от услуг семисот рабочих.

Люди не возражают против этого общества роботов: они сажают за заборы, ибо работают как автоматами.

«УНИКИД», АНГЛИЯ

7.

В загте в последние восемьдесят годы Корсика перенесла один из самых ярчайших дней своей истории — войну за независимость. В 1950 году, — «Принятое темпе», — конститутированы корсиканские «запад», — лица страны, члены которых, будучи именем отголоском бульдинковым.

На Корсике для защиты 445 тысяч горожан работают 2 800

человек, в их распоряжении машины для тушения пожаров, вертолеты.

Эти добровольцы могут тушить пожар сразу после его возникновения. Когда же в неожиданные обстоятельствах обнаруживаются 47 очагов, они оказываются недостаточно.

По статистике пять процентов пожаров возникают из-за небрежности, неисследованной проблемой лесов, покосов. Туристы могут забыть потушить мангал, бросить горячий окурок холма, да и бутылку, и она взорвавшись, может под действием солнца стать душегубом для пожара.

Десяти процентов пожаров производят корсиканские пастухи, которым надо вести скот по лесам, чтобы из них можно было сделать мясо для своего стада. Контрабандисты и бандиты.

В этих местах, где бушевал вечно раз, что сегодня исчезло, не исчезло вчера.

Пожары возникают из-за людей, больших маний подчинительства.

Чтобы избежать пожаров на Корсике пытаются вести эффективную борьбу, пожары, возникшие изредка, превращаются в драмы.

План защиты леса на 2000-й год предусматривает выявление корсиканских властей, обобщенные бы в 8 миллиардов старых

франко, «где найти эти 8 миллиардов, когда правительство дало нам в 1973 году для охраны леса 220 миллионов стоков франко, а в следующем году 220 миллионов», — объясняет Шарль Гризони из дирекции администрации лесного хозяйства. Пока все ограничиваются временными мерами, в частности, вырубкой деревьев из лесных сапелов, которые загораются, когда вперед автомата будет брошена монетка.

Но остается много мест, недоступных для людей и техники, а здесь и там загорается камдым дважды горящий лес.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

8.

В штате Делавэр (США) прошли испытания нового воздушного транспортного средства, которого еще не имеет определенного названия. Техники из конструкторского бюро «Олд Американ Мэжиксиринг» окрестили свое изобретение «воздушным краем». Это необычайная комбинация воздушного края и вертолета предназначена для перевозки объемистых и тяжелых грузов на большие расстояния.

Созданный «человек» представляет собой воздушный шар, называемый полимоли. Остальную часть подъемной силы создают четыре вращающиеся лопасти, которые в том числе контролируют скорость подъема и спуска «воздушного края». Вращающиеся лопасти — это «шар» по сравнению с обычными винтами, которые совершают вертикальные маневры, выпуская газ или набрасывая балласт. А летучесть гелия создает преимущество перед вертолетом при подъеме очень тяжелых грузов.

Созданный в соответствии с новой конструкцией является экспериментальным, прикрепленные к концам несущих лопастей. Во время испытаний двигатели были выключены и весь баллон начал медленно вращаться. Поскольку лопасти были установлены под соответствующим углом, аэротостат начал подниматься, пока не остановился только после того, как затянулся прочный канат.

Оборудованный успешными испытаниями работающей моделью, конструкторы приступили к постройке первого «края» грузоподъемностью до 90 тонн. Это в два раза превышает возможности самой крупной современных вертолетов в США.

«ШТЕРН», ФРГ

5.

В центре столицы КНДР — Пхеньяне стоит светло-серое здание Музея искусств. Здесь широко представлены работы известных современных мастеров корейского изобразительного искусства: от картин и скульптур до произведений каллиграфии и живописи прикладных искусств се-

в XV—XVII веках корейская живопись прошла один из своих пиков. Тогда доминировали пейзажи, «Художники изображали различные предметы, включая изображение предметов, которых было трудно или невозможно было изобразить в реальности, — чувства, художники писали выражение темперы, строури из мифологий и антиквариев».

Три самых великих корейских художника прошлого — Ким Чон Сон, Ким Чон Сон и Сон Ин Бон (XVIII—XIX столетия) — экспонируются в пхеньянском музее. Картины первого подкупают смелостью, прородимым юмором и сарказмом. Самые известные из них — «Юнени-

6.

Несколько регулировщиков движения транспорта, сидящих в кабинах, дежурят на улицах Токио, право же, имели все основания научиться выдавать пофарм какибо либо талоны или квитанции.

Появление этих регулировщиков на улицах Токио не случайно. Япония сегодня быстро становится страной, где можно полно использовать роботов.

Сейчас даже рыболовный флот известен роботами в качестве рыболовов. Эти автоматические рыбаки управляются долями тоннами. Однако в этом еще не научили выдавать пофарм какибо либо талоны или квитанции.

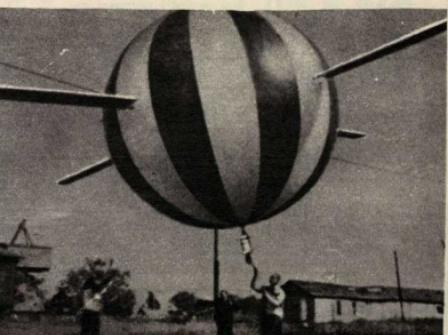

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

КАРПОВ — КОРЧНЫЙ

Осень прошлого года начало знакомится любителям шахмат с огромным интересом наблюдением за один из самых интересных и финальных матов претендентов на мировое первенство, который состоялся в Москве.

О бескомпромиссном поединке между Анатолием Корчным и Борисом Карповым мы еще писали в одном из ближайших номеров «Смены». Сейчас же хотим предложить вниманию читателей несколько фрагментов матов с самыми опасными замечательными приемами гроссмейстеров на старте своего единоборства.

пенсирует их за отданную работу физкультуре.

Однако Корчный, хотя и славится оригинальным стилем игры, не самолично старается избежать матов. В случае опасности не решается пойти на риск и предпочел добиваться матов, не прибегая к вынужденной вертикаль.

17. $Cg5-e4$ $Kc5-e4$ 18. $Kf1-e2$ $Kd5-f4$ 19. $Kd3-d2$ $Kb6-e7$ 20. $Kd2-d1$ $Kb7-d6$ 21. $Kd1-e1$

Неудачный маневр белого позволил использовать Карпова, обладающего мгновенной защитой в реальности.

Несмотря на то что белым в случае, если бы Корчный остановил свой выбор на матовом варианте, было бы лучше, чем на матовом, 21. $Kd1-e1$. Теперь же идет мат в три фигуры, и математика не имеет значения.

21. $Fe8-g6!$ 22. $g2-f3$ $Kb6-d5$ 23. $f3-f4$ $Kg5-e4$ 24. $f4-f5$ $Kf4-f3$ 25. $f5-f6$ $Fe2-e3$ $Lb8-d8$, и через десяток ходов партия согласились на ничью.

ниалинского русского шахматиста Александра Ахлехина.

14. $b4-d2$ $Kg8-e7$ 15.

$Kc3-e4$ $Kc5-e4$ 16. $Kd2-f1$

Сначала лицо лепшина выходит из-за спин фланговой наступления черных фигуры краинской вертикаль.

17. $Kf1-f6$ 18. $Kd4-e1$ $g2-g4$

Цветные фигуры короля и коня.

Этот хладнокровный маневр белых и его последующий контрудар белыми изысками прорывом мгновенно решает судьбу матов. Идея матоватойсети обра- зуется в случае $d4 - de$ 25. $Kf6-e7$ $Kf8-e7$ 26. $Ke7-f6$ 27. $Kf6-e7$ 28. $Kc7-d8$ 29. $Kd8-c7$ 30. $Kc7-b6$ 31. $Kb6-a5$ 32. $Ka5-b4$ 33. $Kb4-c3$ 34. $Kc3-b2$ 35. $Kb2-a1$ 36. $Ka1-b2$ 37. $Kb2-c1$ 38. $Kc1-d2$ 39. $Kd2-e1$ 40. $Ke1-f2$ 41. $Kf2-g1$ 42. $Kg1-h2$ 43. $Kh2-g3$ 44. $Kg3-f4$ 45. $Kf4-e5$ 46. $Ke5-d6$ 47. $Kd6-c7$ 48. $Kc7-b6$ 49. $Kb6-a5$ 50. $Ka5-b4$ 51. $Kb4-c3$ 52. $Kc3-b2$ 53. $Kb2-a1$ 54. $Ka1-b2$ 55. $Kb2-c1$ 56. $Kc1-d2$ 57. $Kd2-e1$ 58. $Ke1-f2$ 59. $Kf2-g1$ 60. $Kg1-h2$ 61. $Kh2-g3$ 62. $Kg3-f4$ 63. $Kf4-e5$ 64. $Ke5-d6$ 65. $Kd6-c7$ 66. $Kc7-b6$ 67. $Kb6-a5$ 68. $Ka5-b4$ 69. $Kb4-c3$ 70. $Kc3-b2$ 71. $Kb2-a1$ 72. $Ka1-b2$ 73. $Kb2-c1$ 74. $Kc1-d2$ 75. $Kd2-e1$ 76. $Ke1-f2$ 77. $Kf2-g1$ 78. $Kg1-h2$ 79. $Kh2-g3$ 80. $Kg3-f4$ 81. $Kf4-e5$ 82. $Ke5-d6$ 83. $Kd6-c7$ 84. $Kc7-b6$ 85. $Kb6-a5$ 86. $Ka5-b4$ 87. $Kb4-c3$ 88. $Kc3-b2$ 89. $Kb2-a1$ 90. $Ka1-b2$ 91. $Kb2-c1$ 92. $Kc1-d2$ 93. $Kd2-e1$ 94. $Ke1-f2$ 95. $Kf2-g1$ 96. $Kg1-h2$ 97. $Kh2-g3$ 98. $Kg3-f4$ 99. $Kf4-e5$ 100. $Ke5-d6$ 101. $Kd6-c7$ 102. $Kc7-b6$ 103. $Kb6-a5$ 104. $Ka5-b4$ 105. $Kb4-c3$ 106. $Kc3-b2$ 107. $Kb2-a1$ 108. $Ka1-b2$ 109. $Kb2-c1$ 110. $Kc1-d2$ 111. $Kd2-e1$ 112. $Ke1-f2$ 113. $Kf2-g1$ 114. $Kg1-h2$ 115. $Kh2-g3$ 116. $Kg3-f4$ 117. $Kf4-e5$ 118. $Ke5-d6$ 119. $Kd6-c7$ 120. $Kc7-b6$ 121. $Kb6-a5$ 122. $Ka5-b4$ 123. $Kb4-c3$ 124. $Kc3-b2$ 125. $Kb2-a1$ 126. $Ka1-b2$ 127. $Kb2-c1$ 128. $Kc1-d2$ 129. $Kd2-e1$ 130. $Ke1-f2$ 131. $Kf2-g1$ 132. $Kg1-h2$ 133. $Kh2-g3$ 134. $Kg3-f4$ 135. $Kf4-e5$ 136. $Ke5-d6$ 137. $Kd6-c7$ 138. $Kc7-b6$ 139. $Kb6-a5$ 140. $Ka5-b4$ 141. $Kb4-c3$ 142. $Kc3-b2$ 143. $Kb2-a1$ 144. $Ka1-b2$ 145. $Kb2-c1$ 146. $Kc1-d2$ 147. $Kd2-e1$ 148. $Ke1-f2$ 149. $Kf2-g1$ 150. $Kg1-h2$ 151. $Kh2-g3$ 152. $Kg3-f4$ 153. $Kf4-e5$ 154. $Ke5-d6$ 155. $Kd6-c7$ 156. $Kc7-b6$ 157. $Kb6-a5$ 158. $Ka5-b4$ 159. $Kb4-c3$ 160. $Kc3-b2$ 161. $Kb2-a1$ 162. $Ka1-b2$ 163. $Kb2-c1$ 164. $Kc1-d2$ 165. $Kd2-e1$ 166. $Ke1-f2$ 167. $Kf2-g1$ 168. $Kg1-h2$ 169. $Kh2-g3$ 170. $Kg3-f4$ 171. $Kf4-e5$ 172. $Ke5-d6$ 173. $Kd6-c7$ 174. $Kc7-b6$ 175. $Kb6-a5$ 176. $Ka5-b4$ 177. $Kb4-c3$ 178. $Kc3-b2$ 179. $Kb2-a1$ 180. $Ka1-b2$ 181. $Kb2-c1$ 182. $Kc1-d2$ 183. $Kd2-e1$ 184. $Ke1-f2$ 185. $Kf2-g1$ 186. $Kg1-h2$ 187. $Kh2-g3$ 188. $Kg3-f4$ 189. $Kf4-e5$ 190. $Ke5-d6$ 191. $Kd6-c7$ 192. $Kc7-b6$ 193. $Kb6-a5$ 194. $Ka5-b4$ 195. $Kb4-c3$ 196. $Kc3-b2$ 197. $Kb2-a1$ 198. $Ka1-b2$ 199. $Kb2-c1$ 200. $Kc1-d2$ 201. $Kd2-e1$ 202. $Ke1-f2$ 203. $Kf2-g1$ 204. $Kg1-h2$ 205. $Kh2-g3$ 206. $Kg3-f4$ 207. $Kf4-e5$ 208. $Ke5-d6$ 209. $Kd6-c7$ 210. $Kc7-b6$ 211. $Kb6-a5$ 212. $Ka5-b4$ 213. $Kb4-c3$ 214. $Kc3-b2$ 215. $Kb2-a1$ 216. $Ka1-b2$ 217. $Kb2-c1$ 218. $Kc1-d2$ 219. $Kd2-e1$ 220. $Ke1-f2$ 221. $Kf2-g1$ 222. $Kg1-h2$ 223. $Kh2-g3$ 224. $Kg3-f4$ 225. $Kf4-e5$ 226. $Ke5-d6$ 227. $Kd6-c7$ 228. $Kc7-b6$ 229. $Kb6-a5$ 230. $Ka5-b4$ 231. $Kb4-c3$ 232. $Kc3-b2$ 233. $Kb2-a1$ 234. $Ka1-b2$ 235. $Kb2-c1$ 236. $Kc1-d2$ 237. $Kd2-e1$ 238. $Ke1-f2$ 239. $Kf2-g1$ 240. $Kg1-h2$ 241. $Kh2-g3$ 242. $Kg3-f4$ 243. $Kf4-e5$ 244. $Ke5-d6$ 245. $Kd6-c7$ 246. $Kc7-b6$ 247. $Kb6-a5$ 248. $Ka5-b4$ 249. $Kb4-c3$ 250. $Kc3-b2$ 251. $Kb2-a1$ 252. $Ka1-b2$ 253. $Kb2-c1$ 254. $Kc1-d2$ 255. $Kd2-e1$ 256. $Ke1-f2$ 257. $Kf2-g1$ 258. $Kg1-h2$ 259. $Kh2-g3$ 260. $Kg3-f4$ 261. $Kf4-e5$ 262. $Ke5-d6$ 263. $Kd6-c7$ 264. $Kc7-b6$ 265. $Kb6-a5$ 266. $Ka5-b4$ 267. $Kb4-c3$ 268. $Kc3-b2$ 269. $Kb2-a1$ 270. $Ka1-b2$ 271. $Kb2-c1$ 272. $Kc1-d2$ 273. $Kd2-e1$ 274. $Ke1-f2$ 275. $Kf2-g1$ 276. $Kg1-h2$ 277. $Kh2-g3$ 278. $Kg3-f4$ 279. $Kf4-e5$ 280. $Ke5-d6$ 281. $Kd6-c7$ 282. $Kc7-b6$ 283. $Kb6-a5$ 284. $Ka5-b4$ 285. $Kb4-c3$ 286. $Kc3-b2$ 287. $Kb2-a1$ 288. $Ka1-b2$ 289. $Kb2-c1$ 290. $Kc1-d2$ 291. $Kd2-e1$ 292. $Ke1-f2$ 293. $Kf2-g1$ 294. $Kg1-h2$ 295. $Kh2-g3$ 296. $Kg3-f4$ 297. $Kf4-e5$ 298. $Ke5-d6$ 299. $Kd6-c7$ 300. $Kc7-b6$ 301. $Kb6-a5$ 302. $Ka5-b4$ 303. $Kb4-c3$ 304. $Kc3-b2$ 305. $Kb2-a1$ 306. $Ka1-b2$ 307. $Kb2-c1$ 308. $Kc1-d2$ 309. $Kd2-e1$ 310. $Ke1-f2$ 311. $Kf2-g1$ 312. $Kg1-h2$ 313. $Kh2-g3$ 314. $Kg3-f4$ 315. $Kf4-e5$ 316. $Ke5-d6$ 317. $Kd6-c7$ 318. $Kc7-b6$ 319. $Kb6-a5$ 320. $Ka5-b4$ 321. $Kb4-c3$ 322. $Kc3-b2$ 323. $Kb2-a1$ 324. $Ka1-b2$ 325. $Kb2-c1$ 326. $Kc1-d2$ 327. $Kd2-e1$ 328. $Ke1-f2$ 329. $Kf2-g1$ 330. $Kg1-h2$ 331. $Kh2-g3$ 332. $Kg3-f4$ 333. $Kf4-e5$ 334. $Ke5-d6$ 335. $Kd6-c7$ 336. $Kc7-b6$ 337. $Kb6-a5$ 338. $Ka5-b4$ 339. $Kb4-c3$ 340. $Kc3-b2$ 341. $Kb2-a1$ 342. $Ka1-b2$ 343. $Kb2-c1$ 344. $Kc1-d2$ 345. $Kd2-e1$ 346. $Ke1-f2$ 347. $Kf2-g1$ 348. $Kg1-h2$ 349. $Kh2-g3$ 350. $Kg3-f4$ 351. $Kf4-e5$ 352. $Ke5-d6$ 353. $Kd6-c7$ 354. $Kc7-b6$ 355. $Kb6-a5$ 356. $Ka5-b4$ 357. $Kb4-c3$ 358. $Kc3-b2$ 359. $Kb2-a1$ 360. $Ka1-b2$ 361. $Kb2-c1$ 362. $Kc1-d2$ 363. $Kd2-e1$ 364. $Ke1-f2$ 365. $Kf2-g1$ 366. $Kg1-h2$ 367. $Kh2-g3$ 368. $Kg3-f4$ 369. $Kf4-e5$ 370. $Ke5-d6$ 371. $Kd6-c7$ 372. $Kc7-b6$ 373. $Kb6-a5$ 374. $Ka5-b4$ 375. $Kb4-c3$ 376. $Kc3-b2$ 377. $Kb2-a1$ 378. $Ka1-b2$ 379. $Kb2-c1$ 380. $Kc1-d2$ 381. $Kd2-e1$ 382. $Ke1-f2$ 383. $Kf2-g1$ 384. $Kg1-h2$ 385. $Kh2-g3$ 386. $Kg3-f4$ 387. $Kf4-e5$ 388. $Ke5-d6$ 389. $Kd6-c7$ 390. $Kc7-b6$ 391. $Kb6-a5$ 392. $Ka5-b4$ 393. $Kb4-c3$ 394. $Kc3-b2$ 395. $Kb2-a1$ 396. $Ka1-b2$ 397. $Kb2-c1$ 398. $Kc1-d2$ 399. $Kd2-e1$ 400. $Ke1-f2$ 401. $Kf2-g1$ 402. $Kg1-h2$ 403. $Kh2-g3$ 404. $Kg3-f4$ 405. $Kf4-e5$ 406. $Ke5-d6$ 407. $Kd6-c7$ 408. $Kc7-b6$ 409. $Kb6-a5$ 410. $Ka5-b4$ 411. $Kb4-c3$ 412. $Kc3-b2$ 413. $Kb2-a1$ 414. $Ka1-b2$ 415. $Kb2-c1$ 416. $Kc1-d2$ 417. $Kd2-e1$ 418. $Ke1-f2$ 419. $Kf2-g1$ 420. $Kg1-h2$ 421. $Kh2-g3$ 422. $Kg3-f4$ 423. $Kf4-e5$ 424. $Ke5-d6$ 425. $Kd6-c7$ 426. $Kc7-b6$ 427. $Kb6-a5$ 428. $Ka5-b4$ 429. $Kb4-c3$ 430. $Kc3-b2$ 431. $Kb2-a1$ 432. $Ka1-b2$ 433. $Kb2-c1$ 434. $Kc1-d2$ 435. $Kd2-e1$ 436. $Ke1-f2$ 437. $Kf2-g1$ 438. $Kg1-h2$ 439. $Kh2-g3$ 440. $Kg3-f4$ 441. $Kf4-e5$ 442. $Ke5-d6$ 443. $Kd6-c7$ 444. $Kc7-b6$ 445. $Kb6-a5$ 446. $Ka5-b4$ 447. $Kb4-c3$ 448. $Kc3-b2$ 449. $Kb2-a1$ 450. $Ka1-b2$ 451. $Kb2-c1$ 452. $Kc1-d2$ 453. $Kd2-e1$ 454. $Ke1-f2$ 455. $Kf2-g1$ 456. $Kg1-h2$ 457. $Kh2-g3$ 458. $Kg3-f4$ 459. $Kf4-e5$ 460. $Ke5-d6$ 461. $Kd6-c7$ 462. $Kc7-b6$ 463. $Kb6-a5$ 464. $Ka5-b4$ 465. $Kb4-c3$ 466. $Kc3-b2$ 467. $Kb2-a1$ 468. $Ka1-b2$ 469. $Kb2-c1$ 470. $Kc1-d2$ 471. $Kd2-e1$ 472. $Ke1-f2$ 473. $Kf2-g1$ 474. $Kg1-h2$ 475. $Kh2-g3$ 476. $Kg3-f4$ 477. $Kf4-e5$ 478. $Ke5-d6$ 479. $Kd6-c7$ 480. $Kc7-b6$ 481. $Kb6-a5$ 482. $Ka5-b4$ 483. $Kb4-c3$ 484. $Kc3-b2$ 485. $Kb2-a1$ 486. $Ka1-b2$ 487. $Kb2-c1$ 488. $Kc1-d2$ 489. $Kd2-e1$ 490. $Ke1-f2$ 491. $Kf2-g1$ 492. $Kg1-h2$ 493. $Kh2-g3$ 494. $Kg3-f4$ 495. $Kf4-e5$ 496. $Ke5-d6$ 497. $Kd6-c7$ 498. $Kc7-b6$ 499. $Kb6-a5$ 500. $Ka5-b4$ 501. $Kb4-c3$ 502. $Kc3-b2$ 503. $Kb2-a1$ 504. $Ka1-b2$ 505. $Kb2-c1$ 506. $Kc1-d2$ 507. $Kd2-e1$ 508. $Ke1-f2$ 509. $Kf2-g1$ 510. $Kg1-h2$ 511. $Kh2-g3$ 512. $Kg3-f4$ 513. $Kf4-e5$ 514. $Ke5-d6$ 515. $Kd6-c7$ 516. $Kc7-b6$ 517. $Kb6-a5$ 518. $Ka5-b4$ 519. $Kb4-c3$ 520. $Kc3-b2$ 521. $Kb2-a1$ 522. $Ka1-b2$ 523. $Kb2-c1$ 524. $Kc1-d2$ 525. $Kd2-e1$ 526. $Ke1-f2$ 527. $Kf2-g1$ 528. $Kg1-h2$ 529. $Kh2-g3$ 530. $Kg3-f4$ 531. $Kf4-e5$ 532. $Ke5-d6$ 533. $Kd6-c7$ 534. $Kc7-b6$ 535. $Kb6-a5$ 536. $Ka5-b4$ 537. $Kb4-c3$ 538. $Kc3-b2$ 539. $Kb2-a1$ 540. $Ka1-b2$ 541. $Kb2-c1$ 542. $Kc1-d2$ 543. $Kd2-e1$ 544. $Ke1-f2$ 545. $Kf2-g1$ 546. $Kg1-h2$ 547. $Kh2-g3$ 548. $Kg3-f4$ 549. $Kf4-e5$ 550. $Ke5-d6$ 551. $Kd6-c7$ 552. $Kc7-b6$ 553. $Kb6-a5$ 554. $Ka5-b4$ 555. $Kb4-c3$ 556. $Kc3-b2$ 557. $Kb2-a1$ 558. $Ka1-b2$ 559. $Kb2-c1$ 560. $Kc1-d2$ 561. $Kd2-e1$ 562. $Ke1-f2$ 563. $Kf2-g1$ 564. $Kg1-h2$ 565. $Kh2-g3$ 566. $Kg3-f4$ 567. $Kf4-e5$ 568. $Ke5-d6$ 569. $Kd6-c7$ 570. $Kc7-b6$ 571. $Kb6-a5$ 572. $Ka5-b4$ 573. $Kb4-c3$ 574. $Kc3-b2$ 575. $Kb2-a1$ 576. $Ka1-b2$ 577. $Kb2-c1$ 578. $Kc1-d2$ 579. $Kd2-e1$ 580. $Ke1-f2$ 581. $Kf2-g1$ 582. $Kg1-h2$ 583. $Kh2-g3$ 584. $Kg3-f4$ 585. $Kf4-e5$ 586. $Ke5-d6$ 587. $Kd6-c7$ 588. $Kc7-b6$ 589. $Kb6-a5$ 590. $Ka5-b4$ 591. $Kb4-c3$ 592. $Kc3-b2$ 593. $Kb2-a1$ 594. $Ka1-b2$ 595. $Kb2-c1$ 596. $Kc1-d2$ 597. $Kd2-e1$ 598. $Ke1-f2$ 599. $Kf2-g1$ 600. $Kg1-h2$ 601. $Kh2-g3$ 602. $Kg3-f4$ 603. $Kf4-e5$ 604. $Ke5-d6$ 605. $Kd6-c7$ 606. $Kc7-b6$ 607. $Kb6-a5$ 608. $Ka5-b4$ 609. $Kb4-c3$ 610. $Kc3-b2$ 611. $Kb2-a1$ 612. $Ka1-b2$ 613. $Kb2-c1$ 614. $Kc1-d2$ 615. $Kd2-e1$ 616. $Ke1-f2$ 617. $Kf2-g1$ 618. $Kg1-h2$ 619. $Kh2-g3$ 620. $Kg3-f4$ 621. $Kf4-e5$ 622. $Ke5-d6$ 623. $Kd6-c7$ 624. $Kc7-b6$ 625. $Kb6-a5$ 626. $Ka5-b4$ 627. $Kb4-c3$ 628. $Kc3-b2$ 629. $Kb2-a1$ 630. $Ka1-b2$ 631. $Kb2-c1$ 632. $Kc1-d2$ 633. $Kd2-e1$ 634. $Ke1-f2$ 635. $Kf2-g1$ 636. $Kg1-h2$ 637. $Kh2-g3$ 638. $Kg3-f4$ 639. $Kf4-e5$ 640. $Ke5-d6$ 641. $Kd6-c7$ 642. $Kc7-b6$ 643. $Kb6-a5$ 644. $Ka5-b4$ 645. $Kb4-c3$ 646. $Kc3-b2$ 647. $Kb2-a1$ 648. $Ka1-b2$ 649. $Kb2-c1$ 650. $Kc1-d2$ 651. $Kd2-e1$ 652. $Ke1-f2$ 653. $Kf2-g1$ 654. $Kg1-h2$ 655. $Kh2-g3$ 656. $Kg3-f4$ 657. $Kf4-e5$ 658. $Ke5-d6$ 659. $Kd6-c7$ 660. $Kc7-b6$ 661. $Kb6-a5$ 662. $Ka5-b4$ 663. $Kb4-c3$ 664. $Kc3-b2$ 665. $Kb2-a1$ 666. $Ka1-b2$ 667. $Kb2-c1$ 668. $Kc1-d2$ 669. $Kd2-e1$ 670. $Ke1-f2$ 671. $Kf2-g1$ 672. $Kg1-h2$ 673. $Kh2-g3$ 674. $Kg3-f4$ 675. $Kf4-e5$ 676. $Ke5-d6$ 677. $Kd6-c7$ 678. $Kc7-b6$ 679. $Kb6-a5$ 680. $Ka5-b4$ 681. $Kb4-c3$ 682. $Kc3-b2$ 683. $Kb2-a1$ 684. $Ka1-b2$ 685. $Kb2-c1$ 686. $Kc1-d2$ 687. $Kd2-e1$ 688. $Ke1-f2$ 689. $Kf2-g1$ 690. $Kg1-h2$ 691. $Kh2-g3$ 692. $Kg3-f4$ 693. $Kf4-e5$ 694. $Ke5-d6$ 695. $Kd6-c7$ 696. $Kc7-b6$ 697. $Kb6-a5$ 698. $Ka5-b4$ 699. $Kb4-c3$ 700. $Kc3-b2$ 701. $Kb2-a1$ 702. $Ka1-b2$ 703. $Kb2-c1$ 704. $Kc1-d2$ 705. $Kd2-e1$ 706. $Ke1-f2$ 707. $Kf2-g1$ 708. $Kg1-h2$ 709. $Kh2-g3$ 710. $Kg3-f4$ 711. $Kf4-e5$ 712. $Ke5-d6$ 713. $Kd6-c7$ 714. $Kc7-b6$ 715. $Kb6-a5$ 716. $Ka5-b4$ 717. $Kb4-c3$ 718. $Kc3-b2$ 719. $Kb2-a1$ 720. $Ka1-b2$ 721. $Kb2-c1$ 722. $Kc1-d2$ 723. $Kd2-e1$ 724. $Ke1-f2$ 725. $Kf2-g1$ 726. $Kg1-h2$ 727. $Kh2-g3$ 728. $Kg3-f4$ 729. $Kf4-e5$ 730. $Ke5-d6$ 731. $Kd6-c7$ 732. $Kc7-b6$ 733. $Kb6-a5$ 734. $Ka5-b4$ 735. $Kb4-c3$ 736. $Kc3-b2$ 737. $Kb2-a1$ 738. $Ka1-b2$ 739. $Kb2-c1$ 740. $Kc1-d2$ 741. $Kd2-e1$ 742. $Ke1-f2$

ЛИСТЬЯ

Слова Михаила МАТУСОВСКОГО
Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Ты спроси: отчего
Так грустна сегодня я?
Листья жгут, листья жгут,
Листья прошлогодние.
Вдоль дорог цветочки
Бродят невинною.
И сады, и сады
Пахнут горькой дымкою.

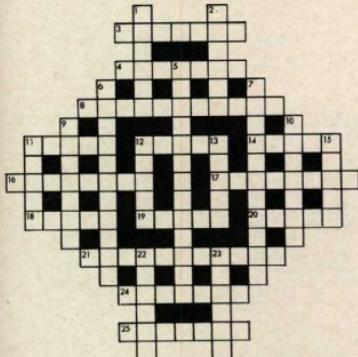
Я гляжу на костры,
Обжигу бульвары я.
Пусть горят, пусть горят
Эти листья старые.

Пусть горят звонко
В это утро раннее
И твом и мое
Разочарования.

Здесь от них ничего
Скоро не останется.
Лишь дымок, лишь дымок
Меж столпами тянет.
И в саду стало вдруг
Чище и свободнее...
Листья жгут, листья жгут,
Листья прошлогодние.

КРОССВОРД

Составил Т. БОБРОВ,
г. Москва

По горизонтали:

3. деталь прицельных машин для изготовления. 4. Город в Грузии. 8. Видоизменение, преобразование. 12. Средство защиты боевых машин. 14. Детали, используемые в машиностроении. 16. Крепление русла у основания плотины. 17. Теневые изображения, полученные приборами. 18. Советский почвенный агроном. 19. Предохранительное сооружение в шахте. 20. Озеро на Дальнем Востоке. 21. Многие работы. 24. Герой Советского Союза, участник дальних беспосадочных полетов под номинальным именем В. Чкалова. 25. Массовый танец славянских народов.

По вертикали:

1. Марка советского автомобилизма. 2. Денежная единица Древней Руси. 5. Раздел математики. 6. Совещание представителей различных организаций, государства. 7. Специалист по использованию водных ресурсов на нужды народного хозяйства. 9. Озеро в верховьях Нила. 10. Мощный магнит. 11. Направление математики и геофизики, академик. 12. Герой Советского Союза, участник дальних беспосадочных полетов под номинальным именем В. Чкалова. 13. Использование языком, напечатанным текстом. 15. Вращающаяся часть элементов в машинах. 18. Озеро в Челябинской области. 22. Промысловая рыба, распространенная в Северном море. 23. Рудничный металлург, разрабатывает процесс получения высоконачистенной литья стали.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

8. Магнит. 9. «Октябрь». 10. Листраст. 11. Янис. 12. Альбом. 13. Страна. 14. Кукуруза. 17. Праздник. 18. Тремоло. 19. Идеолог. 23. Конфликт. 24. Выхухоль. 27. Провинциант. 28. Дуга-30. Квас. 31. Удийский. 32. Капитан. 33. Искромет.

По вертикали:

1. Гарнитур. 2. Изна. 3. Полонез. 4. Моторист. 5. Ротвейлер. 6. Трамплин. 7. Корнелия. 8. Результат. 16. Атлет. 17. Падуб. 20. Портрет. 21. Насколько. 25. Камин. 26. Удивлен. 29. Анис. 30. Крот.

ЖИВОЕ ЧУВСТВО ИСТОРИИ

Произведения современных мастеров изобразительного искусства Монголии различны по тематике, жанрам и средствам выражения. Но есть в них нечто общее.

...Как ощущимо течение времени, каждого его минуты и каждой секунды, которые не могут потеряться, не могут исчезнуть в долгой череде веков.

Как ярки и как значительные все краски и все оттенки, создающие, творящие образ неуничтожимого, вечного мира...

Рассматривая эти картины показывают нам Монголию наших дней, с ее типами, ясно узнаваемыми прометами современности. И в то же время каждая из них пронизана глубокими и живым чувством истории. Именно это предопределило, на наш взгляд, успех авторов публикуемых здесь работ в создании яркого, точного и очень искреннего портрета своей страны и своих современников.

Борис АНДРЕЕВ

Б. ЧОГСОМ. ПЕЙЗАЖ ХОРГО.

О. ЦЭВЭГЖАВ. ПРИРУЧЕНИЕ АРГАМАКА.

Ч. ЖАМСРАН. МОНГОЛКА.

Б. ЧОГСОМ. ДУМА.

Д. АМГАЛАН. МЕСТНОСТЬ ЖАЛАН-ШАРГА.

Цена номера 20 коп. Индекс 70820